

ЮНЬ.

1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

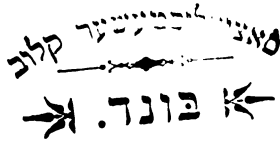
№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубукова, Лиговская ул., д. 34-

1905.

«Уральцы» въ Туркестанскомъ краѣ.

*„Свяжо преданіе, а стирится съ три-
дцать!“*

Тридцать лѣтъ тому назадъ на Уралѣ произошло печальное событіе, повлекшее выселеніе нѣсколькихъ тысячъ уральскихъ казаковъ съ семьями въ Туркестанскій край, гдѣ они были разселены небольшими группами по многимъ фортамъ и городамъ, начиная отъ Казалинска до г. Пянджикента, въ горныхъ округахъ Самаркандскаго уѣзда и до форта Нукуса, близъ аму-дарьинской дельты.

Событіе это: безпорядки, происшедшіе при введеніи въ Уральскомъ войскѣ новаго положенія о военной службѣ и общественномъ управленіи, высочайше утвержденнаго 9 марта 1874 года. Съ тѣхъ поръ на берегахъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи выросло новое поколѣніе уральцевъ, совершенно неповинное въ грѣхахъ родителей, но тѣмъ не менѣе несущее тяжелое бремя ссылки, нужды и нестроенія, со всѣми тягостными послѣдствіями безправаго положенія. Пора, наконецъ, освѣтить это историческое событіе, отошедшее уже въ область прошлаго, выяснить истинныя его причины, оцѣнить безпристрастно его послѣдствія... Этому требуютъ не только историческая правда, но и интересы выросшаго нынѣ въ Туркестанѣ новаго поколѣнія уральцевъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что событіе это далеко не освѣщено еще въ исторической нашей литературѣ, и въ настоящемъ трудѣ намъ придется широко пользоваться матеріалами, любезно предоставленными редакціей газеты „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“, въ числѣ каковыхъ матеріаловъ имѣются, между прочимъ, записки бывшаго атамана Уральского отдѣла полк. М. П. Темникова (нынѣ покойнаго), которому пришлось вводить новое положеніе и выселять уральцевъ съ родины, а также письма „уходцевъ“, какъ называютъ на Уралѣ выселенныхъ уральцевъ, изъ Казалинска, описывающія мытарства партіи въ 74 чел. въ пути и на мѣстѣ ссылки и др. интересные документы, насколько намъ извѣстно нигдѣ еще не опубликованные.

I.

Радостные и веселые возвратились въ 1873 г. уральскіе казаки изъ тяжелаго степного похода подъ Хиву подъ начальствомъ своего атамана Н. А. Веревкина. Много невзгодъ, лишеній и трудностей пришлось претерпѣть имъ во время этого похода; многихъ товарищей потеряли они въ безводной и знойной степи, въ дѣлахъ съ непріателемъ раненъ былъ и атаманъ ихъ, но всѣ эти невзгоды были забыты, едва увидѣли казаки родной Уралъ. Разбрелись казаки по станицамъ и уметамъ и за мирнымъ трудомъ, за рыбаченіемъ, да въ семейномъ кругу вспоминали и переживали походныя впечатлѣнія, похваляясь лихостью и своими военными подвигами; украшенные георгіевскими крестами за боевыя заслуги, гордились они своей славой и, что называется, насквозь пропитаны были воинскимъ духомъ, беззавѣтной преданностью военному дѣлу и казачьимъ традиціямъ.

Вотъ въ это-то самое время по Уралу пронеслась тревожная вѣсть о новомъ положеніи, которое должно быть введено въ войскѣ. То было положеніе о воинской повинности и хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, высочайше утвержденное 9 марта 1874 года. Начались сѣдки и совѣщанія казаковъ; никто изъ нихъ доподлинно не зналъ, въ чемъ собственно должна была состоять реформа, и слухи, одинъ нелѣпѣе другого, волнуя общественное мнѣніе, стали распространяться въ темномъ казачьемъ кругу. Г. Витевскій такъ описываетъ въ 1878 году, т. е. три—четыре года спустя, настроеніе уральскаго казачества въ этотъ важнѣйшій первоначальный моментъ:

„Казаки-коноводы—говоритъ В. Н. Витевскій *)—увѣрили другихъ, что рѣку Уралъ у нихъ отнимутъ и переселятъ къ нимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянъ, между которыми и раздѣлятъ войсковую землю и луга. Многие горячились при этомъ и говорили: „нѣтъ, этому не бывать! Кровью мы приобрѣли Уралъ и нашу землю, кровью и продадимъ ихъ!“ **) Другіе старались доказать неприкосновенное и безконтрольное право войска на Уралъ и его территорію грамотой царя Михаила Θεодоровича, дарованной Яицкому войску. Изъ архивныхъ бумагъ Уральскаго войска видно, что грамота эта сгорѣла во время пожара бывшаго въ Яицкомъ городкѣ еще въ XVII столѣтіи; между тѣмъ, коноводы-старіики говорили теперь, что грамота, или „владѣтельная“ на р. Уралъ, была вынесена во время пожара діакономъ Михайло-Архангельскаго собора и зарыта въ землю въ особомъ чугу-

*) „Расколъ въ Уральск. войскѣ въ концѣ XVIII и XIX в.“ стр. 203.

**) Курсивъ у автора.

номъ ящикѣ; будто дѣконъ, умирая, завѣщалъ своему сыну не давать этой драгоценности никому, кромѣ государя императора. Нѣкоторые изъ стариковъ прибавляли при этомъ, что на „владѣнной“ находятся изображенія четырехъ вселенскихъ патріарховъ, ихъ собственноручная подпись и золотая печать. Эти нелѣпые толки быстро распространились по форпостамъ, хуторамъ, уметамъ и зимовьямъ: вездѣ только и говорили о „владѣнной“. Отставной казакъ Кругло-Озерной станицы, Ѳеодоръ Васильевъ Стиговъ изготовилъ нѣсколько копій съ этой мнимой „владѣнной“ и началъ ихъ распространять между другими. Число недовольныхъ оказалось очень значительно, когда начальство стало требовать отъ казаковъ *письменнаго обязательства* въ подчиненіи новому положенію: многие не хотѣли и слышать о томъ. Между тѣмъ, наказный атаманъ Н. А. Веревинъ еще въ маѣ мѣсяцѣ отправился за границу, для излѣченія раны, полученной имъ при взятіи Хивы. Воспользовавшись отсутствіемъ своего атамана, недовольные дѣйствовали еще смѣлѣе, находя поддержку въ своихъ женахъ и матеряхъ, которыя грозили имъ муками ада, въ случаѣ подчиненія новому положенію, и сулили вѣчное блаженство за непринятіе его: „лучше пострадайте мученическою смертью, а не губите своихъ душеньекъ!“—говорили онѣ“...

Причину такого фанатическаго отношенія уральцевъ г. Витевскій видитъ въ томъ, что казаки-раскольники, а ихъ на Уралѣ большинство, усматривали во введеніи новаго положенія замаскированное посягательство на ихъ старую вѣру. Не мало содѣйствовало такому убѣжденію и то обстоятельство, что войсковое начальство какъ разъ въ это смутное время распорядилось разослать по всѣмъ форпостнымъ школамъ буквари, въ которыхъ, по обыкновенію, помѣщены были молитвы съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіями, а также различныя изображенія крестнаго знаменія съ объясненіями въ духѣ православной церкви, на первой же страницѣ букваря находился четырехконечный крестъ съ сіяніемъ въ пресѣченіи, называемый казаками-раскольниками „латинскимъ крестомъ“. Прямымъ послѣдствіемъ такого распоряженія были среди казачества толки о томъ, что „начальство, равсылая по школамъ эти книжки, желаетъ заставить ихъ молиться троеперстно и поклоняться кресту четвероконечному, вмѣсто поклоненія осмиконечному „истовому“ кресту; говорили, что всѣмъ начнутъ брить бороды; что дѣтей отберутъ и увезутъ куда-то, а куда, неизвѣстно; что служащихъ казаковъ всѣхъ одѣнутъ въ солдатское платье, а взрослыхъ дѣвицъ заберутъ и отправятъ на корабль въ Англію“... и т. д. *).

Безспорно, старообрядчество сыграло видную роль на Уралѣ въ эти тревожные дни и являлось однимъ изъ болѣе активныхъ

*) Тамъ же.

факторовъ въ томъ дальнѣйшемъ упорствѣ, которое оказали уральцы введенію новаго положенія. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить народныя казачьи пѣсни того времени, сохранившіяся до сихъ поръ. По свидѣтельству того же г. Витовскаго казачки въ тѣ дни заучивали наизусть и распѣвали заупынымъ, раздирающимъ душу напѣвомъ на шестой гласъ:

*„Въ семьдесятъ четвертое мѣсто
 Настало у насъ житіе нелѣпо:
 По нашему согрѣшенію,
 А по Божьему попушенію,
 Начали насъ власти одолювать,
 На новое положеніе понуждать;
 А мы, христіане, стали о себѣ размышлять,
 Какъ намъ христіанамъ жить,
 Антихристовы прелести избыть!
 Охъ, увы и горе!
 Сокрушаютъ нашу волю.
 Уже мы недостойны
 Стали жить спокойно:
 За наши земныя сласти
 Послалъ намъ Господь злыя власти;
 Стали дѣлать перемѣну
 Вѣры Христовой измѣну.
 Лишимся, братіе, мірскихъ сластей,
 Станемъ противъ злыхъ властей,
 За вѣру Христову пострадати
 А своимъ дѣтямъ путь показати!..“* и т. д.

Очевидно, казаки въ большей, по крайней мѣрѣ, массѣ совершенно не понимали, чего отъ нихъ хотятъ введеніемъ новаго положенія о военной службѣ и общественномъ управленіи. Темный, консервативный по характеру и религіи казачь-старообрядецъ, боящійся всякаго новшества, охотно вѣрилъ всѣмъ тѣмъ вздорнымъ слухамъ, которые обыкновенно сами собою создаются въ подобное тревожное время, тѣмъ болѣе, что онъ не слышалъ ни отъ кого изъ авторитетныхъ для него людей опроверженія этихъ слуховъ и разъясненія новаго положенія.

Начавшееся, такимъ образомъ, броженіе среди уральскаго казачества было истолковано мѣстной администраціей, какъ бунтъ, слушаніе и неповиновеніе высочайшей волѣ. „Между тѣмъ—заявляютъ сами казаки въ одномъ изъ своихъ прошеній *)—бунта, слушанія и неповиновенія не было... а по неумѣнію или нежеланію намъ растолковать утвержденное 9 марта 1874 г. положеніе о военной повинности въ нашемъ войскѣ, мы при объявленіи его пошумѣли, погадѣли, но, поразмысливъ, подчинились...“

Разумѣется, не всѣ казаки отнеслись къ новому положенію съ такимъ наивнымъ невѣжествомъ; на ряду съ темною толпою

*) Прошеніе казаковъ Голованова, Ильичева и др., присланное на имя ген.-губернатора 11 апрѣля 1875 г.

были и группы казаковъ, прекрасно понимавшихъ это новое положеніе и даже входившихъ въ подробное его разсмотрѣніе до опубликованія проекта положенія. Еще 12 марта 1873 г. — свидѣтельствуемъ полковникъ Темниковъ *), — казаки, въ числѣ 25 человекъ **), подали командующему Уральскимъ войскомъ генераль-маіору Бизянову, замѣщавшему наказнаго атамана, коллективное заявленіе о томъ, что, ознакомившись съ проектомъ положенія объ общественномъ хозяйственномъ управленіи въ Уральскомъ войскѣ, они находятъ, между прочимъ, что имъ, казакамъ, по сравненію съ „чиновниками“ предоставлено слишкомъ мало представительства въ управленіи (по проекту всѣ чиновники участвовали въ управленіи съ правомъ голоса, а казакамъ предоставлено было имѣть лишь по два представителя отъ станицъ), и просили собрать въ Уральскѣ выборныхъ отъ войска, которымъ поручить ознакомиться предварительно съ общимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, а затѣмъ по большинству голосовъ составить сводъ замѣчаній на проектъ Положенія съ указаніемъ тѣхъ его статей, въ которыхъ будетъ усмотрѣно ими несоотвѣтствіе съ интересами общественнаго, нераздѣльнаго хозяйства и самоуправления. Этотъ сводъ замѣчаній подписавшіе заявленіе казаки ходатайствовали представить на высочайшее благоусмотрѣніе.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого заявленія, но во всякомъ случаѣ оно осталось безъ послѣдствій; между тѣмъ, слухъ о такомъ коллективномъ заявленіи, безъ всякаго сомнѣнія, облетѣлъ всѣ станицы, форты, хутора и уметы, поселивъ еще большее недовѣріе среди казаковъ къ предстоявшей реформѣ. Недоумѣніе ихъ расло, а съ нимъ и волненіе. Ничего не разъясняющіе циркуляры, коими уральцы предупреждались, что за распространеніе „ложныхъ толковъ о новомъ положеніи“ виновные будутъ предаваемы суду — только усиливали общее тревожное настроеніе.

Наконецъ, послѣдовало опубликованіе на станичныхъ сходахъ высочайше утвержденного 9 марта 1874 года Положенія. Казаки отнеслись къ нему съ большимъ недовѣріемъ; они не видѣли подъ нимъ собственноручной подписи государя императора, и по войску пронеслась молва, что Положеніе это дѣлъ рукъ мѣстныхъ властей. Подобная молва по поводу тѣхъ или другихъ Высочайшихъ указовъ явленіе далеко не исключительное. Смущаетъ, напримѣръ, казаковъ-уральцевъ, по собственному ихъ объясненію, слѣдующее. Судится уралець у мирового судьи. Разобравъ дѣло, судья тутъ же объявляетъ, что по указу его величества онъ, судья, опредѣлилъ то-то. Когда могъ получить судья

*) Въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ.

**) Они всѣ названы поименно.

царскій указъ? Или: выдается казаку аттестатъ о довольствіи, гдѣ также упоминается, что по указу его величества такой-то удовлетворенъ слѣдующимъ ему довольствіемъ. Бывали даже случаи, что казаки наводили справки, дѣйствительно ли получаются въ такихъ случаяхъ царскіе указы. Отсюда уже прямой выводъ: чиновники, не получая указовъ, пишутъ своевольно отъ царскаго имени, а потому нѣтъ на эти распоряженія начальства царскаго соизволенія; отсюда упорный отказъ подчиниться новому Положенію безъ непосредственнаго о томъ повелѣнія государя императора. И казаки начинаютъ изощряться на всякіе лады, чтобы довести до свѣдѣнія монарха о чинимомъ надъ ними, яко-бы, произволѣ: подають прошеніе за прошеніемъ, посылають ходяковъ и ходатаевъ, но всѣ ихъ попытки въ этомъ родѣ остаются безуспѣшными, и даже тѣхъ ходяковъ, которымъ посчастливилось добраться до Петербурга возвращають по распоряженію начальства обратно. Въ октябрѣ 1874 г.,—какъ свидѣтельствуеть г. Витевскій *),—отставные казаки Стяговъ и Гузиковъ (Царево-Никольскаго форпоста) пробрались даже въ Ливадію и подали на высочайшее имя прошеніе объ отиѣнѣ Положенія 9 марта; они выставляли себя уполномоченными отъ всего Уральскаго казачьяго войска. Стяговъ и Гузиковъ, какъ самовольно отлучившіеся изъ войска безъ всякаго письменнаго вида, были препровождены обратно на Уралъ, а ихъ прошеніе отправлено назадъ къ командующему войсками Оренбургскаго округа. Оба ходатая, по возвращеніи на Уралъ были заарестованы и преданы военному суду въ особо учрежденной въ Уральскѣ временной комиссіи. Многіе изъ казаковъ пожелали видѣть ходатаевъ, но начальство этого не допустило, а упорныхъ арестовывало и отдавало подъ судъ. Въ январѣ 1875 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе суда: „Отставныхъ казаковъ Кругло-Озерной станицы Федора Стягова и Царево-Никольскаго форпоста Евстафія Гузикова, какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ при введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 9 марта 1874 г. Положенія о воинской повинности и общественно-войсковомъ хозяйственномъ управленіи, позволявшихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпые рассказы о правахъ войска, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ и на заводахъ на восемь лѣтъ каждому, съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности, по силѣ 1040 ст. XXIV кн. С.В.П. 1869 г.“ Это рѣшеніе 28 января подтверждено командующимъ войсками Оренбургскаго военнаго округа и объявлено виновнымъ, которые, по неимѣнію въ то время въ Уральскѣ эшафота для совершенія позорнаго обряда,

*) „Расколъ въ Уральск. в.“—стр. 205.

были отправлены для этой цѣли въ Оренбургъ, а затѣмъ переданы гражданскимъ властямъ для отсылки ихъ по назначенію.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя приговоры на казаковъ, сбитыхъ окончательно съ толку и недовѣрившихъ своимъ начальникамъ, которые не сумѣли приобрести среди населенія ни популярности, ни авторитета!

Вотъ, слѣдовательно, еще одинъ немаловажный источникъ „недоразумѣнія“, легшаго въ основу всѣхъ послѣдующихъ событий.

Однако, возвратимся къ разсказу. Послѣ распубликованія на станичныхъ сходахъ новаго Положенія, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ подали 19 іюня генералу Бизянову прошеніе, сущность котораго заключалась въ указаніи на то, что при примѣненіи къ войску новаго Положенія неизбежно подорвется благосостояніе войсковаго населенія, и безъ того уже не завидное *), вслѣдствіе чего они ходатайствовали объ отмѣнѣ новаго Положенія, указывая, что при отказѣ они обратятся съ такой же просьбой къ командующему войсками Оренбургскаго военнаго округа и такъ далѣе по командѣ.

Генераль Бизяновъ наотрѣвъ отказался принять это прошеніе Ботова и Кирпичникова, и такъ какъ для оказанія ему со-

*) Въ прошеніи указывалось: 1) что при постоянномъ нарядѣ 3-хъ полковъ и учебной сотни долженъ неминуемо увеличиться и денежный сборъ на подмоги; 2) что обязательство имѣть всегда наготовѣ полное снаряженіе и строевыхъ лошадей должно, по мнѣнію просителей, очень невыгодно отразиться на экономическомъ положеніи Уральскаго войска, такъ какъ у казака ежедневно будетъ отниматься много времени на уходъ за лошадыю, и въ то же время потребуются непроизводительный расходъ на кормъ лошади, которую, какъ строевую, ни въ какую работу онъ употреблять не можетъ; обмундированіе же и амуниція будутъ приходить въ негодность до поступленія казака на строевую службу; 3) что хотя по зачисленіи въ казаки и дается годичная льгота, но срокъ этотъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы казакъ могъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для строя,—тѣмъ болѣе, что въ первый годъ ему воспрещается поступать въ качествѣ охотника, вслѣдствіе чего онъ лишень возможности обезпечить себя на счетъ подмоги; 4) наконецъ, что сборъ казаковъ для строевыхъ занятій отниметъ у нихъ самое дорогое рабочее время, а тѣхъ, кто является единственнымъ работникомъ въ семьѣ, можетъ даже поставить въ безвыходное положеніе, какъ въ отношеніи присканія средствъ для существованія, такъ и въ отношеніи возможности выполнить по существующему порядку воинскую повинность; самые сборы для строевыхъ занятій признавались просителями излишними, въ виду того, что казаки, благодаря врожденной и воспитываемой рыболовнымъ промысломъ ловкости, настолько сами по себѣ способны къ военной службѣ, что усвѣютъ вполне достаточно подучиться кавалерійскому строю и во время формированія частей. Изъ этого прошенія видно, что противиться новому положенію заставляли и экономическіе интересы казачества. Нисколько не считаясь съ послѣдними, мѣстныя власти своими неумѣлыми дѣйствіями лишь запутывали узелъ недоразумѣній, пренятствуя населенію выяснить дѣйствительные недостатки новаго закона и тѣмъ подерживая толки о мнимыхъ опасностяхъ, которыми будто бы грозилъ онъ.

дѣйствія при введеніи новаго Положенія былъ спеціально командированъ въ Уральскъ полковникъ Мартыновъ, то онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ внушилъ просителямъ, что домогательства незаконны и даже преступны, и далъ имъ 10-дневный срокъ на размышленіе. Однако, по истеченіи срока Ботовъ и Кирпичниковъ опять явились въ присутствіе и представили свое прошеніе. Тогда просителямъ было объявлено, что по возвращеніи генералъ-лейтенанта Веревкина изъ-за границы, гдѣ онъ еще дѣлился отъ раны, ему будетъ доложено ихъ прошеніе, но до тѣхъ поръ они во всякомъ случаѣ должны будутъ подчиниться новому положенію и воздержаться отъ всякихъ его превратныхъ толкованій, въ чемъ и потребовали отъ нихъ *особую подписку*. Кирпичниковъ и Ботовъ, посоветовавшись съ другими казаками, отказались дать требуемую отъ нихъ подписку и вмѣсто того представили копию съ упомянутой уже выше „*владѣнной*“, въ удостовѣреніе того, что прошеніе ихъ вполнѣ законно.

Генералу Бизянову хорошо было извѣстно, что казаки Ботовъ и Кирпичниковъ дѣйствуютъ не отъ своего только имени, а являются уполномоченными большинства уральскихъ казаковъ. Атаманъ отдѣла въ своемъ донесеніи по этому поводу указывалъ, между прочимъ, на станицу Кругло-Озерную и др., какъ на центръ, изъ котораго распространяется смута, и что не всѣ казаки настолько упорствуютъ подчиниться требованію начальства, а болѣе разсудительные изъ нихъ, хотя и погалдѣли о томъ, что слѣдуетъ попытаться попросить начальство исходатайствовать отмѣны Положенія, но, однако, не ваялись подать о томъ прошеніе. Отмѣтивъ нерѣшительность части казаковъ, атаманъ отдѣла указалъ и главныхъ агитаторовъ *).

Дѣйствительно, казаки Ботовъ и Кирпичниковъ имѣли письменное полномочіе на подачу прошенія, подписаннаго огромнымъ числомъ ихъ единомышленниковъ; это письменное полномочіе извѣстно было подъ названіемъ „*заручной*“.

Въ виду отказа Ботова и Кирпичникова дать подписку въ томъ, что они подчинятся новому Положенію, отдано было 29-го іюля распоряженіе отобрать у нихъ эту „*заручную*“, узнать по ней всѣхъ ихъ единомышленниковъ, допросить послѣднихъ и отобрать отъ нихъ всѣхъ подписки о томъ, признаютъ ли они себя солидарными съ Ботовымъ и Кирпичниковымъ, а также въ томъ, что они отказываются отъ единомыслія съ послѣдними и будутъ впредь подчиняться всѣмъ распоряженіямъ начальства; въ случаѣ же отказа казаковъ дать требуемую подписку—передать ихъ суду.

Такое, на первый взглядъ, энергичное распоряженіе, на са-

*) Кромѣ Ботова и Кирпичникова указывались еще казаки Забродинъ и Красниковъ.

момъ дѣлѣ должно было неминуемо повести къ дальнѣйшему осложненію положенія вещей. „Заручную“, которую Ботовъ и Кирпичниковъ первоначально сами представляли въ удостовѣреніе своихъ полномочій, они теперь, разумѣется, наотрѣзъ отка-зались выдать начальству, чѣмъ лишили его возможности выяс-нить имена лицъ, его подписавшихъ. Такимъ образомъ, распоря-женіе оказалось трудно осуществимымъ. Само по себѣ отобраніе подобной подписки было почти равносильно плебисциту, пусканію вопроса на голоса и, во всякомъ случаѣ, должно было вселить въ казакахъ убѣжденіе, что ихъ спрашиваютъ о желаніи или не-желаніи принять новое Положеніе, а, слѣдовательно, что на обя-зательное принятіе его нѣтъ царскаго повелѣнія, и начальство домогается теперь добровольнаго со стороны казаковъ согласія принять новое Положеніе. „Недоразумѣніе“, такимъ образомъ, расло, стучалось въ огромную, беспросвѣтную тучу, нагонявшую мракъ, въ которомъ никто не могъ разобраться.

Съ одной стороны, генералъ Бизяновъ, повидимому, не пред-видѣвшій возникшихъ затрудненій, доноситъ командирующему вой-сками въ Оренбургѣ *) въ успокоительномъ тонѣ о начавшемся среди казаковъ волненіи умовъ, указывая, что у Ботова и Кир-пичникова единомышленниковъ очень немного, во всякомъ слу-чаѣ не больше сотни, при томъ наиболѣе невѣжественныхъ и грубыхъ казаковъ, и что все прочее казачье населеніе вполнѣ благонадежно и продолжаетъ спокойно заниматься своимъ дѣ-ломъ; при этомъ генералъ Бизяновъ придаетъ особенное значе-ніе тому обстоятельству, что среди протестующихъ вовсе нѣтъ молодыхъ казаковъ, забывая, повидимому, о томъ, что старики вершатъ у казаковъ дѣла, а не молодежь. Съ другой стороны, тотъ же генералъ Бизяновъ каждую минуту натывается на новыя трудности и осложненія. Едва началось, по приказанію генерала Бизянова, слѣдствіе, производимое подполковникомъ Прытовымъ, съ цѣлью выяснить единомышленниковъ Ботова и Кирпичникова, казаки успѣшили уничтожить „заручную“, которая, какъ обна-ружилось при слѣдствіи, была подписана уполномоченными отъ большей части поселковъ Уральскаго казачьяго войска. По слу-хамъ, эта „заручная“ была сожжена въ присутствіи всѣхъ упол-номоченныхъ въ степи, вблизи одного изъ хуторовъ Каменнаго форпоста, Чижинской станицы. Вызванные къ допросу, казаки показали, что они отъ единомыслія съ Кирпичниковымъ и Бото-вымъ не отказываются и не откажутся *до тѣхъ поръ, пока про-шеніе ихъ не будетъ доведено до свѣдѣнія государя императора, и тогда, какое бы ни послѣдовало повелѣніе его величества, они ему безусловно подчинятся.*

Отвѣтомъ на отказъ казаковъ дать подписку были аресты,

*) Генералу Крыжановскому.

при томъ аресты массовые. Кирпичниковъ и Ботовъ были препровождены въ Оренбургъ, гдѣ они объяснили о томъ, что собственно побудило ихъ подать прошеніе объ отмѣнѣ новаго Положенія. Результатомъ ихъ объясненій было указаніе генералу Бизянову, что ему слѣдовало бы самому явиться на сборъ казаковъ, когда они обсуждали новое Положеніе и разъяснить имъ всё возникшія у нихъ, благодаря невѣжеству и незнанію законовъ, недоразумѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералу Бизянову препровождены были заявленія Кирпичникова и Ботова о томъ, что они отказываются отъ дальнѣйшихъ домогательствъ отмѣны новаго Положенія.

Получивъ такое указаніе, генераль Бизяновъ, тотчасъ же распорядился послать офицеровъ по станицамъ *), чтобы разъяснить казакамъ преступность ихъ домогательствъ и чтобы огласить подписку Ботова и Кирпичникова, но моментъ уже, разумѣется, былъ утерянъ и подобное уговариванье казаковъ, кромѣ вреда дѣлу, ничего оказать не могло.

Казаки отнеслись, конечно, скептически къ искренности заявленій Ботова и Кирпичникова; они высказали по прежнему сомнѣніе въ томъ, что новое Положеніе высочайше утверждено; высказывали опасенія, что всѣхъ ихъ дѣтей будутъ обязательно обучать грамотѣ (?) **), что введеніе сборовъ является лишь переходомъ къ очередной службѣ, а нѣкоторые высказывали даже опасенія „за крестъ и за бороду“... Словомъ, недоразумѣніе такъ и осталось недоразумѣніемъ, а казаки продолжали упорно твердить, что никакихъ подписокъ не дадутъ, а „худо будетъ, такъ видно это Богу угодно“!.. ***)

Послѣ безплодныхъ стараній убѣдить казаковъ, 9-го августа послѣдовало распоряженіе командующаго Уральскимъ войскомъ, объявить казакамъ, что дальнѣйшія ихъ домогательства отмѣны новаго Положенія подвергнуть ихъ, какъ нарушителей дисциплины и распоряженій начальства, тяжелой отвѣтственности по

*) Надо замѣтить, что среди сосланныхъ уральцевъ, впоследствии почти всѣ дѣти, достигшіе 12-ти-лѣтняго возраста, были грамотны.

**) Полковникъ Мартыновъ былъ командированъ въ Трекинскую станицу, подполковникъ Темниковъ — въ Красную, а самъ генераль Бизяновъ ѣздилъ въ Кругло-Озерную и Чаганскую станицы.

***) „Атаманы наши симъ не удовольствовались, — заявляютъ казаки въ прошеніи, поданномъ Головановымъ, Ильичевымъ и др., — а потребовали отъ насъ подписки, въ которыхъ говорили, что мы отъ чего-то отрекаемся, что мы въ чемъ-то обязуемся; а такъ какъ намъ сказывали, что законы должны исполняться вѣрноподданнымъ въ силу принимаемой присяги каждымъ безъ подписокъ, то старики и мы, недоумѣвая съ какимъ это намѣреніемъ атаманы наши измыслили, опять пошумѣли, поговорили: не хотимъ, дескать, давать никакихъ подписокъ, а будемъ исполнять законъ о военной повинности по данной каждымъ присягѣ. За такое наше разсужденіе начались ссылки, каторга и заключеніе тѣхъ, кто шумѣлъ, и тѣхъ, кто недоумѣвалъ, отъ чего все это происходитъ“...

закону. Въ Уральскѣ собраны были съ этою цѣлью казаки ближайшихъ станицъ, и въ назначенный часъ къ зданію хозяйственнаго правленія, возлѣ котораго происходилъ сборъ казаковъ, пріѣхали: генераль-маіоръ Бизяновъ, начальникъ штаба полковникъ Костенко и войсковой депутатъ полковникъ Мартыновъ. Начались увѣщанія... „Много,—замѣчаетъ по этому поводу полковникъ Темниковъ,—было потрачено краснорѣчія по пустому“... Не помогло и освобожденіе препровожденныхъ въ Уральскѣ, Ботова и Кирпичникова, которые были, для примѣра, отпущены по домамъ, какъ и въ чемъ невинные, потому что „подали прошеніе не лично отъ себя, а по уполномочію, принятому ими исключительно по легкомыслію“.

Тогда рѣшено было дѣйствовать рѣшительно и фактически привести въ дѣйствіе высочайше утвержденное 9-го марта Положеніе, произведя, согласно этому Положенію, выборы въ станицахъ депутатовъ, подъ личнымъ наблюденіемъ атамановъ отдѣла. При объѣздѣ съ этою цѣлью станицъ Уральского отдѣла его атаманомъ, 15 и 16-го августа сходы нѣкоторыхъ станицъ (Благодатной, Бородинской и Соболевской) заявили готовность приступить къ выборамъ депутатовъ; другіе станицы (напр., Кирсановская) просили дозволить предварительно справиться въ Уральскѣ объ общемъ мнѣніи прочихъ казаковъ и, когда имъ въ этомъ было отказано, не согласились приступить къ выбору, а рѣшили возобновить ходатайство объ отмѣнѣ новаго Положенія; наконецъ, нѣкоторые станичные сходы (напр., въ Рубеженскомъ форпостѣ) не только отказались произвести выборы, но даже проявили столь сильное возбужденіе, что были распушены по приказу атамана отдѣла, а въ станицѣ Красной на сходѣ произошли даже беспорядки, при чемъ казаки силою противились арестованію виновныхъ, уступивъ лишь угрозѣ прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ. Весьма характерно, что на всѣхъ станичныхъ сходахъ, по распоряженію начальства, казаки, *согласные* принять Положеніе, были отдѣляемы отъ *несогласныхъ* и такая искусственная группировка выборщиковъ породила только лишнія недоразумѣнія, давъ поводъ казакамъ думать, что начальство не рѣшается попросту произвести выборы, не допуская никакихъ разсужденій, какъ того требуютъ дисциплина.

Неудавшаяся, такимъ образомъ, попытка произвести выборы не научила ничему лицъ, приводившихъ въ дѣйствіе новое Положеніе: 1-го сентября былъ командированъ въ Уральскѣ начальникъ окружного штаба генераль-маіоръ Звѣревъ для *убѣжденія* казаковъ подчиниться новому Положенію, вслѣдствіе чего по станицамъ опять собраны были сходы. Когда же и эти увѣщанія ни къ чему не повели, отдано было приказаніе отдѣлять на сходахъ желающихъ приступить къ выборамъ депутатовъ отъ нежелающихъ, для чего предложено было казакамъ расписываться

на особыхъ чистыхъ листахъ, на которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, не указано было даже въ чемъ дается подписка *).

Нечего и говорить, что ген.-м. Звѣревъ встрѣтилъ сильное упорство во многихъ станицахъ (Кирсановской, Трекинской и др.), гдѣ оппозиція успѣла уже вполнѣ сорганизоваться, благодаря, главнымъ образомъ, отдѣленію „согласныхъ“ отъ „несогласныхъ“, благодаря предшествовавшимъ сходкамъ, собиравшимся по приказанію атамана отдѣла и др. подобнымъ же мѣропріятіямъ администраціи. Между прочимъ, генералу Звѣреву, на одномъ изъ сходовъ старики заявили, что Уральское войско, „подобно излюбленному Богомъ народу еврейскому“, имѣетъ привилегію во всѣхъ своихъ нуждахъ обращаться черезъ своихъ довѣренныхъ непосредственно къ Царю“.

*) Вотъ что значится по этому поводу въ прошеніи, поданномъ въ 1881 г. уральцами сенатору М. Е. Ковалевскому, командированному изъ Петербурга въ Оренбургъ для ревизіи этого генераль-губернаторства, по случаю происшедшаго въ немъ расхищенія свободныхъ казенныхъ земель (башкирскихъ): „Въ 1875 г. послѣдовало введеніе новаго Положенія въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ. Вводя это положеніе такъ, какъ вводили и вводятъ теперь въ другихъ войскахъ новыя реформы и устройства, никого не спрося, у насъ, въ уральскомъ войскѣ, не произошло бы никакого движенія, и мы этого нововведенія какъ слѣдуетъ и не замѣтили бы: такъ мало нарушало оно наши старыя порядки; точно такъ, какъ изъ земель Уральскаго войска сдѣлали Уральскую область, а изъ войскового правленія сдѣлали областное правленіе, не спрося казаковъ, и послѣдніе не обратили на это никакого вниманія. А спроси согласія казаковъ, и на изъявленное согласіе потребуй подписокъ—произошелъ бы пожаръ. Такъ и случилось съ новымъ Положеніемъ.“

Уральскіе офицеры и чиновники, которымъ поручено было ввести новое Положеніе, по непонятной причинѣ, поступили совсѣмъ иначе. Они во всѣхъ станицахъ собирали казаковъ и задавали намъ такой вопросъ: „Хотите ли вы принять новое Положеніе, или нѣтъ?“ не пояснивши намъ, что за новое Положеніе, въ чемъ оно состоитъ; такъ мы до сихъ поръ и не знаемъ сути новаго Положенія. Весьма естественно, что на подобные вопросы отвѣты, будь они отрицательные или положительныя, не будутъ приняты за преступленія. Поэтому многіе казаки простодушно отвѣчали: „Новаго Положенія мы не желаемъ“. Отвѣтъ этотъ былъ принятъ за сопротивленіе и донесено было офицерами, какъ о бунтѣ. Послѣдовали аресты, приходъ пѣхоты Гурийскаго полка и отправленіе казаковъ въ Уральскъ, въ острогъ, какъ преступниковъ. Со стороны казаковъ, изъявившихъ *нежеланіе*, было тотчасъ заявлено, что они не сопротивляются новому Положенію и принимаютъ его безропотно. Аресты и отправки въ остроги было остановились, и дѣло тѣмъ могло бы и кончиться. Но офицеры самовольно, безъ указанія свѣше, не руководствуясь ни логикой, ни доброй совѣстью, потребовали отъ казаковъ *подписки* въ принятіи новаго Положенія, предложивши намъ для этого бѣлый листъ бумаги и заставляли каждаго казака написать на немъ свою фамилію. Руководствуясь чувствомъ самосохраненія, казаки подписать свои фамиліи на бѣломъ листѣ рѣшительно отказались. Горячими мольбами мы умоляли офицеровъ ввести новое Положеніе безъ подписокъ, но намъ отвѣчали кандалами. Это фактъ* (См. „Соврем. Изв.“ 1881 г., № 206).

Положеніе становилось серьезнымъ. Изъ Оренбурга вызваны были регулярныя войска (первый линейный баталіонъ), а 7-го сентября въ Уральскъ прибылъ генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Крыжановскій, который издалъ чрезвычайно строгій приказъ и принялъ рѣшительныя мѣры къ подавленію безпорядка. Приказомъ этимъ предписывалось: 1) Находящіяся нынѣ здѣсь и впредь могущія быть сюда присланными регулярныя войска расположить казарменнымъ порядкомъ, преимущественно по квартирамъ болѣе виновныхъ казаковъ въ тѣхъ станицахъ, гдѣ было замѣчено особое упорство и неповиновеніе, возложивъ на нихъ всѣ расходы по содержанію войскъ, по найму помѣщеній для арестуемыхъ казаковъ, по довольствію ихъ пищею, на путевое содержаніе имѣющихъ быть высланными по приговору военныхъ судовъ и т. п. расходы по этому дѣлу. 2) Къ участию въ такихъ расходахъ привлечь всѣ тѣ станицы, гдѣ жители уклонились отъ выборовъ депутатовъ, освободивъ отъ сего, однако, такихъ домохозяевъ, которые съ самаго начала заявляли готовность и готовы были подчиниться всѣмъ требованіямъ начальства, а равно всѣхъ, находящихся на службѣ внѣ войсковыхъ предѣловъ и въ войсковыхъ командахъ, какъ вѣрно и честно исполняющихъ свой долгъ. 3) Сдѣлать немедленно распоряженіе о производствѣ выборовъ, гдѣ они не состоялись и, если таковыя не будутъ окончены въ Уральскѣ къ 11 сентября, въ Уральскомъ и Калмыковскомъ отдѣлахъ къ 16 сентября, а въ Гурьевскихъ къ 18 сентября, то съ этихъ чиселъ начнется исчисленіе и взысканіе на означенные расходы съ виновныхъ въ неисполненіи сего станицъ. 4) По мѣрѣ производства выборовъ станицы освобождать по особому каждый разъ разрѣшенію начальниковъ отдѣловъ отъ участія въ этихъ расходахъ, разлагая ихъ на прочія станицы, гдѣ выборы не будутъ сдѣланы. 5) Для сужденія виновныхъ въ неповиновеніи открыта въ Уральскѣ особая военно-судная коммиссія. 6) О преданіи же главныхъ виновниковъ и подстрекателей этому военному суду, по полевымъ военно-уголовнымъ законамъ, испрошено уже высочайшее разрѣшеніе. Приказъ этотъ былъ прочитанъ на сходахъ и выставленъ на видныхъ мѣстахъ во всеобщее свѣдѣніе.

Аресты къ этому времени достигли такихъ размѣровъ, что въ Уральскѣ не хватало мѣста для заключенія арестованныхъ. Полевой судъ приступилъ къ дѣйствию, своей строгой репрессіей стараясь сломить упорство казаковъ. 27 человекъ за упорство и подстрекательство были приговорены къ ссылке въ Сибирь или въ арестантскія отдѣленія, но волненіе не утихло. 19 сентября приговоренные къ ссылке 27 человекъ были отправлены по назначенію. Вотъ какъ описываютъ ссыльные уральцы въ своихъ письмахъ это событіе:

„Приняли мѣры судить невинныхъ 26 человекъ уральскихъ

казаковъ, не подписавшихся къ новому положенію. Взяли ихъ съ гауптвахты и въ судѣ вводили ихъ по одному человѣку и угрожали имъ въ судѣ строгостію пристрастія. Посудила ихъ комиссія ложная: 12 человѣкъ въ каторгу, 12 человѣкъ въ Сибирь на поселеніе; и заковали ихъ въ желѣзо, одѣли въ сѣрую арестантскую одежду, заклеянную поворомъ вѣчнаго безчестія и, какъ невинныхъ страдальцевъ, заключили ихъ въ тюремный замокъ. Послѣ того суда ложной комиссіи, на другой день прибили афишки по всему городу Уральску и во многихъ жительствовахъ. Напечатано въ афишкахъ: непринявшихъ новое положеніе осуждать полевымъ судомъ въ 24 часа къ разстрѣлу. По (произведенному) слѣдствію, мы невинные преступники, не знаемъ за собой ни одного подозрѣнія или преступленія; того, что доказано противъ насъ, безъ сомнѣнія, мало для законнаго правосудія. Но, не имѣя права искать оправданія своего по суду, только осталось намъ надежды считать для себя единственнымъ счастьемъ ту минуту, которая можетъ прекратить бытіе наше.. И затѣмъ вкормѣ тутъ многихъ казаковъ заарестовали въ Уральскѣ (не менѣе 3000 человѣкъ) и насажали воѣ казенныя зданія полны. Выше-же упомянутыхъ 26 человѣкъ казаковъ отправили въ Оренбургъ въ желѣзахъ за строгимъ карауломъ, и, по представленію ихъ въ Оренбургъ, возводили ихъ на эшафотъ, обрили имъ лѣвую половину головы и удалили ихъ въ дальнюю восточную Сибирь; въ числѣ ихъ нѣсколько человѣкъ было 70-ти и 80-ти лѣтъ, и отъ жестокихъ налоговъ, тиранства, не въ силахъ (будучи вынести) стѣсненія этапнаго безпорядка, и отъ туготы оковъ желѣзныхъ, многіе изъ числа ихъ встрѣтили страдальческую смерть. Въ то же время начальникъ Рубеженской станицы, есаулъ Алексѣй Бородинъ многимъ казакамъ перевязалъ назадъ руки и за надлежащимъ карауломъ погналъ ихъ въ г. Уральскъ; отъ тугой вязки рукъ, два казака (Федоръ Лапшинъ и Федоръ Буренинъ) не въ силахъ были перенести и оттого въ то время померли“.

Въ ночь на 20 сентября возвратился изъ-за границы атаманъ ген. Веревкинъ и, принимая утромъ съ визитомъ уральскихъ чиновъ и представителей различныхъ частей войскъ, сказалъ: „Съ удовольствіемъ вижу васъ всѣхъ, господа, здоровыми! Одно непріятно, что въ Уральскомъ войскѣ возникли большія затрудненія по введенію новаго положенія; впрочемъ, при помощи Божьей и вашемъ содѣйствіи, господа, я надѣюсь уладить это дѣло“ *).

А къ 21 сентября выборы депутатовъ были уже окончены во всѣхъ станицахъ Уральского войска, кромѣ Кругло-Озерной, Трекинской и 2-хъ Гурьевскихъ. Выборы производились чрезвы-

*) Витевскій—„Расколъ въ Уральск. в.“

чайно энергично: въ случаѣ упорства разрѣшено было прибѣгать къ оружію, арестовывалось по 200 человекъ одновременно, а въ г. Уральскѣ, куда были вызваны изъ Кругло-Озерской станицы по одному казаку отъ каждаго 25 дворовъ для выслушанія убѣжденій генерала Крыжановскаго, всѣ они были арестованы по приказанію сего послѣдняго. Приведенный выше приказъ генерала Крыжановскаго объ имущественной отвѣтственности ослушниковъ приводился, повидимому, въ исполненіе неукоснительно и съ большой строгостью. Въ письмахъ своихъ „уходцы“ пишутъ:

„Въ то же время у насъ въ войскѣ отъ страшнаго истязанія образовались двѣ партіи: согласные и несогласные. Согласные принять новое положеніе и дать требуемую подписку избираютъ депутатовъ и становятся на сторону администраціи, а несогласныхъ насъ стали въ тюремные замки заключать и разворять наше стяжаніе, какъ: птицу, дворовое строеніе, рыболовныя снасти, инструментъ хозяйственнаго издѣлія, тащить по своему усмотрѣнію... Описывать и продавать подъ видомъ взысканія съ насъ контрибуціи, и, такимъ насильственнымъ дѣйствіемъ, или сказать — самоуправствомъ, собственность нашу въ короткое время превратили въ пустынный видъ и полное раззореніе...“ Среди населенія царилъ полное смущеніе и растерянность:

„О, горе люто и бѣда!—

восклицаютъ уральцы въ своихъ пѣсняхъ:—

*Подписаться—душѣ вреда.
Настанетъ теперь время тѣсно,
Жить намъ вмѣстѣ бесполезно;
Всего у насъ недостаетъ,
Тутъ и врагъ на насъ возстанетъ...
Адамъ праждѣ запись даль,—
Весь свой родъ во адъ послалъ...“*

Грустно, на молитвенный ладъ, распѣвали уральскія женщины:

*„...За что вѣру Христову обогали,
А христіанъ безъ пощады погнали?
Мы же имъ отнюдь не досадили,
А они насъ въ темницу посадили...“ *)*

II.

Съ открытіемъ на Уралѣ дѣйствій военнаго суда по дѣлу о казакахъ, оказавшихъ противодѣйствіе введенію новаго Положенія, само собой разумѣется, возникъ вопросъ о томъ, какъ по-

*) Тамъ же.

ступить съ виновными, которыхъ оказалось довольно значительное число. Оренбургскій генераль-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о водвореніи нежелающихъ подчиниться новому Положенію казаковъ въ киргизскія степи, находя въ этомъ удобный случай для начала колонизаціи этого огромнаго степного пространства, въ которомъ совершенно отсутствуютъ русскія осѣдлыя поселенія; между тѣмъ, такія осѣдлыя поселенія благоприятствовали бы въ значительной мѣрѣ развитію тамъ торговли, насажденію культуры и установленію административнаго порядка и сильной правительственной власти. Независимо отъ того, поселеніе между киргизами-магометанами казаковъ, устраняя, съ одной стороны, возможность распространенія среди послѣднихъ ихъ фанатическихъ возрѣній, явилось бы чрезвычайно полезнымъ и для самихъ киргизовъ, такъ какъ ознакомило бы ихъ съ выгодами осѣдлой жизни и, такимъ образомъ, содѣйствовало бы началу осѣдлости степного населенія. Однако, военное министерство не согласилось со взглядами оренбургскаго генераль-губернатора, находя, что близость территории Уральскаго войска къ киргизской степи не устранила бы вліянія сосланныхъ на остальное казачье населеніе. Военное министерство высказалось за поселеніе упорствующихъ казаковъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ они могли бы заниматься привычнымъ и съ давнихъ поръ излюбленнымъ ихъ промысломъ—рыболовствомъ, не говоря уже о томъ, что водвореніе казаковъ во вновь занятомъ край имѣло бы большое государственное значеніе, такъ какъ усилило и укрѣпило бы русское вліяніе и положеніе по Аму-Дарьѣ, создавъ на ней русскія земледѣльческія и промышленныя поселенія. Этотъ проектъ военнаго министерства удостоился высочайшаго одобренія. Первоначально предполагалось, что число сосланныхъ не будетъ особенно значительно, не болѣе 600 человекъ. Для того, чтобы высылка казаковъ удовлетворяла бы своему колонизаторскому назначенію, опредѣлено было переселить упорствующихъ принятію новаго Положенія казаковъ въ аму-дарьинскій край съ семьями, примѣнивъ по отношенію къ ихъ семействамъ правила слѣдованія за лицами, подлежащими ссылке по суду, выселенію или удаленію по приговорамъ сельскихъ обществъ или въ административномъ порядкѣ *); при этомъ повелѣно было выдавать на каждую семью пособіе въ размѣрѣ отъ 30 до 50 рублей, а на издержки по водворенію отчислить 10 тысячъ рублей изъ суммъ Уральскаго войска.

Но, однако, малолѣтцамъ, достигшимъ семнадцатилѣтнаго возраста, не разрѣшено было слѣдовать по собственному желанію въ ссылку, за родителями, потому что, въ силу положенія 9-го марта 1874 г., они были обязаны отбывать повинность.

*) Высоч. повелѣніе 19-го апрѣля 1875 г.

Такъ какъ условія жизни въ новомъ мѣстѣ поселенія были совершенно неизвѣстны выселяемымъ казакамъ и они, въ особенности первое время, могли бы очутиться въ затруднительномъ положеніи въ отношеніи пріисканія, а тѣмъ болѣе постройки жилищъ, и даже въ отношеніи продовольствія на мѣстѣ ссылки, то предписано было первоначально отправить на Аму-Дарью однихъ только казаковъ, а семейства ихъ выслать затѣмъ отдѣльно.

Юридическое положеніе ссылаемыхъ казаковъ также озабочивало мѣстное начальство. Войсковой атаманъ, генераль-лейтенантъ Веревкинъ, вошелъ съ представленіемъ къ генераль-губернатору о томъ, чтобы за выселяемыми въ аму-дарьинскій край отнюдь не оставляли казачьяго званія. Такое лишеніе званія мотивировалось наказнымъ атаманомъ тѣмъ, что выселеніе непокорныхъ съ сохраненіемъ казачьяго званія, имѣющее смыслъ образованія особаго аму-дарьинскаго казачьяго войска, совершенно лишило бы эту высылку значенія карательной мѣры и, такимъ образомъ, послужило бы основаніемъ къ поддержанію въ неподчиняющихся казакахъ давно уже существующаго ложнаго убѣжденія и давно уже распространяемыхъ ими для смущенія покорныхъ своихъ товарищей слуховъ, что будто бы высланнымъ, т. е. неподчинившимся новому Положенію, жалуются на Аму-Дарьѣ земли и угоды, гдѣ они будутъ пользоваться всѣми казачьими правами и привилегіями; остающіеся же на Уралѣ, т. е. подчинившіеся новому Положенію, будутъ, какъ живущіе далеко отъ границы, лишены казачьяго званія и обращены въ крестьянское сословіе. Какъ ни нелѣпо, повидимому, подобное убѣжденіе и толкованіе,—замѣчаетъ генераль-лейтенантъ Веревкинъ,—но оно находитъ легковѣрныхъ, которые, въ случаѣ оставленія за переселяемыми казачьяго званія, могутъ перейти на ихъ сторону и упорствомъ своимъ постараются добиться и своего переселенія, съ цѣлью сохранить казачье званіе и соединенныя съ этимъ званіемъ права, а въ то же время избѣжать необходимости отбывать воинскую повинность по новому Положенію. Такое предположеніе генераль-лейтенантъ Веревкинъ обосновывалъ на близкомъ знакомствѣ съ духомъ и характеромъ уральцевъ, которые, не задумываясь, рискуютъ всѣмъ для нихъ дорогимъ, лишь бы только настоять на своемъ требованіи оставить за ними право отбывать службу по прежнему, безъ малѣйшихъ измѣненій. Генераль-лейтенантъ Веревкинъ просилъ разсмотрѣть его предложеніе съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ по своей важности, какъ одно изъ средствъ, во-первыхъ, для успокоенія умовъ возбужденнаго населенія, колеблющагося между страхомъ потерять здѣсь свои права и надеждою сохранить ихъ въ мѣстѣ новаго поселенія и, во-вторыхъ, для окончательнаго водворенія спокойствія и порядка среди казаковъ-

уральцевъ вообще, такъ какъ, благодаря этому, у беаумцевъ, не желающихъ нынѣ подчиниться требованіямъ правительства, отнимется всякая надежда добиться дальнѣйшимъ упорствомъ достиженія своихъ притязаній и въ то же время явится убѣжденіе, что выселеніе на Аму-Дарью есть тяжкое наказаніе, а отнюдь не средство сохранить прежній правопорядокъ.

Дѣйствительно, мѣра эта, какъ оказалось, произвела на казаковъ потрясающее впечатлѣніе, но далеко не подѣйствовала успокоительно.

„Въ 1875 году, 29-го мая, — читаемъ мы въ письмахъ уходцевъ, — 144 человекъ нашихъ стариковъ переправили на лѣвый берегъ рѣки Урала, гдѣ начальникомъ эшелона было объявлено, что они должны слѣдовать на переселеніе въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Тогда старики обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ разъяснилъ имъ, за что именно ссылаютъ ихъ и лишаютъ всѣхъ заслуженныхъ правъ и привилегій. Заявленіе это начальникомъ эшелона было представлено на благоусмотрѣніе наказного атамана генерала Веревкина, и по поводу этого отказа 145 человекъ испрашивалось разрѣшеніе пустить въ дѣло оружіе (стрѣлять)*).

„Наказной же атаманъ, — пишутъ далѣе уходцы, — по сему заявленію командировалъ къ нимъ (старикамъ) подполковника Темникова и войскового старшину Кириллова, которые, по прибытіи къ старикамъ, вмѣсто всякаго разъясненія, съ яростнымъ подвигомъ, кинулись ихъ бить, и войскамъ приказали то же творить; такимъ образомъ, изувѣченныхъ, въ безпамятствѣ, пеклали ихъ на изготовленные тутъ же подводы и отправили по назначенію... А потомъ того же года въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ г. Уральскѣ (въ мѣстѣ), что подъ Михайловской частью, надъ собранными въ то время молодыми казаками ужасное происходило наказанье: мяди лошадыми, били прикладами и нагайками; тѣ же офицеры... обнажали шашки и полосами наносили удары. Подобно же сему и того же дня и мѣсяца, подполковникъ Гуляевъ производилъ въ лагеряхъ наказаніе; вообще, съ природными казаками поступали съ такимъ озлобленіемъ, какъ съ плѣнниками, или, сказать, предателями, безъ всякаго разсужденія и испытанія... Съ грустью вспомнилъ я тѣ прошедшія времена, когда избитаго, оборваннаго, съ запекшеюся кровью, казака Исаака Божедома привязывали на срамной позорный столбъ, и то печальное зрѣлище, въ которомъ воздухъ былъ смѣшанъ съ воплемъ рыдающихъ матерей, плачущихъ женъ и малолѣтнихъ нашихъ дѣтей!.. Затѣмъ изъ

*) Указывалось на уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 184, т. II, св. зак. ст. 412, на ст. 388, т. XIV устава о ссыльныхъ, ст. 574, 575, 576, т. III. С. В. П. 1859 г. и инстр. конвойн. унт. оф., сопровождающему арестантовъ приложен. къ цир. гл. штаба 13 февр. 1868 г. № 36.

часть нѣкоторыхъ стали ковать въ желѣзо и выводить на эшафотъ. Въ г. Уральскѣ были выведены три казака: Трифоновъ, Гузиковъ и Фроловъ, а въ г. Оренбургѣ 23 человекъ, и всѣ они отосланы въ Сибирь. Въ то же время, по понесеніи наказанія, нѣкоторыхъ казаковъ отправляли въ военно-исправительныя роты, въ числѣ коихъ сосланы на исправленіе два семидесятилѣтнихъ старика (Кавашкинъ и Потапичевъ), которыхъ на посмѣянье на ступья посадили и въ позоръ сѣдыя бороды ихъ обрили. И многихъ казаковъ отягощали усиленными работами на желѣзной дорогѣ“.

24 мая 1875 г. состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, что переселяемые въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ уральскіе казаки лишались казачьяго званія и зачислялись въ сословіе сельскихъ обывателей; это высочайшее повелѣніе было объявлено по войску въ августѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ 3 іюля опредѣлено было всѣхъ виновныхъ въ неповиновеніи выслать изъ войска въ Туркестанскій край и размѣстить ихъ тамъ впредь до окончательнаго устройства ихъ при войскахъ, или гдѣ окажется возможнымъ, такъ какъ они выселялись безъ семей; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось употреблять ихъ на казенныя работы, неспособныхъ же къ труду повелѣно было выслать въ города и крѣпости Оренбургскаго генераль-губернаторства или въ станицы Оренбургскаго казачьяго войска; наконецъ, относительно дальнѣйшаго на будущее время устройства въ Туркестанскомъ краѣ высланныхъ уральцевъ, предложено было туркестанскому генераль-губернатору представить свои подробныя соображенія.

Началось выселеніе уральцевъ. Тяжелую картину рисуютъ „уходцы“ въ своихъ письмахъ *); не легко для нихъ, повиди-

*) „Далѣ въ 1875 году,—пишутъ уходцы,—насъ стали ссылатъ въ разныя отдаленныя мѣста Россійской имперіи и въ Туркестанскій военный округъ, а при отправкѣ изъ г. Оренбурга генераль Юношъ всѣмъ препровождаемымъ партіямъ вычитывалъ высочайшее повелѣніе, по которому усматривалось, что насъ лишаютъ всѣхъ состояній казачьихъ правъ, съ переселеніемъ (переименованіемъ) въ составъ сельскихъ обывателей. На мѣстѣ же ссылки въ Казалѣ вычитано было второе предписаніе высочайшаго повелѣнія, изъ коего видно, что не лишены мы казачьяго званья, а взамѣнъ объявили, что мы, какъ будто бы, по собственному изъявленію на Уралѣ желанію, слѣдуемъ на переселеніе, гдѣ и должны быть водворены. Таковое положеніе дѣлъ и колебаніе со стороны властей вызвало насъ обратиться къ здѣшнему начальству за снисхожденіемъ, на томъ основаніи, чтобы разъяснили намъ встрѣчающееся недоразумѣніе, такъ какъ мы не по собственному желанію, но силою сосланы сюда на поселеніе, за неизвѣстное преступленіе въ наказаніе, и объяснили, что нами нигдѣ и никогда не допущалось заявлять согласіе на такое переселеніе, такъ какъ мы не стѣснены и довольны были тѣми землями и угодьями, которыя пролегаютъ по долинамъ рѣкъ Урала, и съ тѣмъ вмѣстѣ настаивали просьбу, чтобы изъ среды насъ для точнаго разъясненія отправили къ начальнику Туркестанскаго края. Тутъ же мы присовокупили о томъ, что касается до населенія здѣшней мѣстности, то мы ни впредь, ни послѣ желанія заявлять не смѣемъ и се-

тому, обошлось прощаніе съ роднымъ Ураломъ и прохожденіе по всѣмъ мытарствамъ тяжелаго пути въ изгнаніе!

литься не будемъ. Такое заявленіе наше въ уваженіе принято не было, а взамѣнъ всего подполковникъ Косыревъ сказалъ, что хотя селиться мы и не хотимъ, но „это дѣло и сила въ рукахъ правительства; въ силу же поступившаго ко мнѣ распоряженія я всѣ старанія приложу и васъ поселю“. Вслѣдъ затѣмъ изъ насъ онъ сталъ вызывать желающихъ къ отправленію на объясненную выше надобность (на переселеніе въ Туркестанскій край), а 300 человекъ—въ прочіе форты. Когда охотниковъ на вызовъ не вышло, то онъ отдалъ 26 ноября 1875 г. распоряженіе въ Казалинскѣ войскамъ бить насъ, гдѣ войско и производило надъ нами разныя тиранства: бьютъ ружейными прикладами, казачьими плетьюми, розгами и, такъ сказать, чѣмъ угодно, дабы больнѣе ударить... не было пошады тутъ никому—ни старцамъ, ни заслуженнымъ въ знаменитой Иканской битвѣ героямъ, имѣющимъ знаки отличія св. Георгія Побѣдоносца. Такимъ образомъ, красивыя улицы Казалинскаго городка вскорѣ обратились въ мрачный печальный видъ: гдѣ ни посмотри—вездѣ стонъ и слезы; а жители, какъ русскіе, такъ и азіаты, какъ бы сливая между собою сердца заедино, знай износятъ жалостныя и тяжелыя воздыханія, съ приговоромъ: „За что уральцевъ такъ мучаютъ, и за что они страдаютъ?“ Охъ, горестное наше положеніе!

Послѣ сего, отъ 26 ноября 1875 года до сентября 1876 г., въ Казалѣ, во время отправленія насъ на пароходѣ въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ, были такъ же наказанія, но о нихъ (должно быть, автору письма) не описали. Къ 8 сентября, согласно распоряженію командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, были командированы къ намъ одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, которымъ поручено было размѣстить насъ изъ Казалы по разнымъ фортамъ, а въ Казалинскѣ составить военный рабочій батальонъ шести-сотеннаго состава и подчинить насъ, уральцевъ, отправленію всѣхъ воинскихъ обязанностей наравнѣ съ мѣстными пѣхотными войсками; по сформированіи же батальона дать намъ, казакамъ, волю въ томъ, чтобы мы добровольно и по собственному желанію изъявили бы согласіе на вступленіе въ роты, и ротныхъ командировъ сознавали бы какъ своихъ ближайшихъ начальниковъ. Такое распоряженіе какъ-то нашему Уралу было не по нутру по тѣмъ обстоятельствамъ, что тутъ на первомъ же шагу теряется смыслъ дарованной намъ высочайшей грамоты и данной престолу и отечеству присяги, которыя обязываютъ насъ продолжать службу его величества по положенію своихъ конныхъ казачьихъ, а не пѣхотныхъ войскъ, вслѣдствіе чего мы отъ батальона отказались. Тогда повсемѣстно, гдѣ только сосланы были наши уральцы, безпрерывное пошло тѣлесное наказаніе, а въ особенности въ нижеслѣдующихъ мѣстностяхъ: въ фортѣ Казалинскомъ (слѣдуетъ перечень начальствующихъ лицъ, распорядившихся наказаньемъ), въ фортѣ Кармакчинскѣ (тоже), въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи (тоже), въ фортѣ Перовскѣ (тоже), въ г. Туркестанѣ (тоже); въ прочихъ же фортахъ по неимѣнію свѣдѣній фамиліи офицеровъ неизвѣстны“,—замѣчаетъ авторъ письма.

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе возмутительной жестокости, съ которой производилось это наказаніе, сопровождавшееся изсязаніемъ и даже надруганіемъ надъ религиозными святынями казаковъ-раскольниковъ. Жестокости эти ужасны до невѣроятія, а потому мы, не касаясь ихъ, укажемъ олько на ихъ послѣдствія: „нѣкоторые не выносили такого увѣчья,—пишутъ казаки,—и въ непродолжительномъ времени помирали (умерли отъ побоевъ: Маркель Ильичевъ, Бѣлугинъ, Самаркинъ, Либедихинъ, Кибовъ, Легошинъ, Абрамичевъ, Башкировъ, Марковъ, Давилинъ, Шепухинъ, Лачугинъ и др.). „Отъ томленья въ заключеніи и нужною смертью уморили каза-

Не смотря, однако, на высылку наиболѣе упорнаго элемента волненіе на Уралѣ улеглось не сразу. По распоряженію изъ Оренбурга, генералъ-лейтенантъ Веревкинъ продолжалъ арестами и высылкой арестованныхъ бороться съ казаками, не переставшими упорствовать, а чтобы устранить возможность вреднаго вліянія ссыльныхъ на остальное казацкое населеніе, приняты были особыя мѣры: учрежденъ былъ строгій надзоръ за перепиской ссыльныхъ съ оставшимися на родинѣ казаками и ограничены были права выселяемыхъ распоряжаться своимъ имуществомъ на Уралѣ.

Не лучше пришлось высланнымъ уральцамъ на мѣстѣ ссылки. Для иллюстраціи ихъ первоначальнаго положенія въ Туркестанскомъ краѣ, обратимся къ печатавшимся въ 1884 году корреспонденціямъ Вс. Крестовскаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Корреспонденціи эти изъ форта Джулека писаны не только по личнымъ наблюденіямъ автора, но и по даннымъ, полученнымъ отъ коменданта форта, а потому до нѣкоторой степени отражаютъ взглядъ мѣстной туркестанской администраціи на сосланныхъ къ нимъ уральцевъ. „Первоначально выслано было ихъ въ Туркестанскій край около трехъ тысячъ человѣкъ,—пишетъ Вс. Крестовскій.—Мѣстная администрація распредѣлила этихъ высланцевъ небольшими группами по многимъ фортамъ и городамъ края, гдѣ лишь существуетъ русская осѣдлость, начиная отъ Казалинска до городка Пянджикента, въ горныхъ округахъ Самаркандскаго уѣзда, и до форта Нукуса, близъ аму-дарьинской дельты. Много было крайне тяжелыхъ сценъ при этомъ разселеніи; доходило даже до того, что при отправкѣ партій воднымъ путемъ изъ Казалинска въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ многіе уральцы кидались съ баржи за бортъ, въ рѣку. Тѣмъ не менѣе, *не смотря ни на что*, удалось кое-какъ доставить всѣ группы на мѣста, предназначенныя имъ для поселенія... Положеніе этихъ людей крайне печально само по себѣ и обременительно для мѣстныхъ начальствъ, которымъ пришлось съ ними вѣдаться послѣ разселенія... Съ перваго своего появленія въ краѣ и до сего дня отвергаютъ они всѣ заботы и предложенія мѣстной администраціи, влоняющіяся къ облегченію и улучшенію ихъ же собственнаго быта и положенія. Началось съ того, что, когда, послѣ разселенія, предложили имъ землю и даже нѣкоторое пособіе (?!), чтобы дать возможность сразу обстроиться, высланцы всѣ поголовно отказались и отъ земли и отъ пособія. Какъ пригнали ихъ по этапу въ форты, какъ поставили станомъ

ковъ Дурманова, Крикова и Волнова.. не шадилъ они такимъ наказаніемъ ни старческой сѣдины, ни боевыхъ заслугъ"... „Такое дѣйствіе и жестокосердное наказаніе безъ ослабленія продолжалось съ 26 ноября 1875 г. по 1879 г.“.

на площади, такъ они тамъ и остались, безъ крова, на голой землѣ, а время было холодное. Иные, впрочемъ, приладили кое-какъ въ своимъ повозкамъ цыновки да кошмы, какія успѣли захватить съ собою въ дорогу, и уже намѣревались было провести подъ такими наметами всю зиму; а другіе даже и объ этомъ не позаботились. Много тогда переболѣло между ними народа, не мало и перемерло ребятъ, старцевъ и женщинъ, въ особенности дѣти помирали. А строитья, располагаться на осыдлое житье высланцы всетаки не желаютъ. Списались мѣстные начальства съ Ташкентомъ, объясняя положеніе дѣла и спрашивая: „Какъ быть?“ Изъ Ташкента разрѣшили помѣстить временно въ казармы мѣстныхъ командъ, буде найдутся гдѣ свободныя помѣщенія. Нечего дѣлать, пришлось потѣснить людей и очистить подъ выселенцевъ часть казармы. Исполнили все это, приготовили и приглашаютъ переходить съ площади на казенныя квартиры. Не идутъ.

— Почему вы, братцы, не идете?

— Не желаемъ, ваше—скородіе!—отвѣчаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

— Почему не желаете?

— Просто не желаемъ, ваше-скородіе, да и все тутъ. Неспособно намъ.

— Однако, вѣдь такъ же нельзя, братцы!—убѣждаютъ ихъ власти.—Такъ-то жить еще хуже для васъ же самихъ: помрете всѣ отъ болѣзней. И то уже вонъ сколько дѣтей схоронено.

— Что же, пушай ихъ мрутъ! Божья воля!.. И сами помремъ съ ними. Значить, намъ уже судьба такая отъ Бога—претерпѣвать должны.

— Да отъ чего же вы не желаете? По какимъ причинамъ?—добиваются власти.

— Своею доброю волею, значить, не желаемъ, окромѣ какъ на силокъ. Коли силкомъ поведутъ насъ,—ну, тутъ нечего дѣлать, пойдѣмъ, потому противъ силка ничего не подѣлаешь, покориться надо. А сами, своею охотою, идти не можемъ.

— Почему не можете?

— Потому что не по нашей волѣ насъ сюда пригнали, и стало быть, ничего больше своею волею дѣлать намъ не можно. И не будемъ дѣлать! А коли вы считаете, что такъ нужно, заставьте насъ силою. Теперь надъ нами вся ваша воля и вся сила: дѣлайте, что хотите.

Какъ ни убѣждали ихъ, что ви говорили—не идутъ люди съ площади. Пришлось наряжать солдатъ изъ командъ, чтобы насильно переносить ихъ пожитки въ отведенныя помѣщенія“... „пришлось насильно волочить въ казармы“ и самихъ высланцевъ.

„Это, разумѣется,—говоритъ далѣе Вс. Крестовскій,—былъ.

капризъ упрямый и дикій, но нѣкоторые фанатики, кажется, рассчитывали посредствомъ его вывести власть изъ терпѣнія и вынудить ее, наконецъ, на крайнюю мѣру, въ родѣ стрѣлянія (иные даже прямо подсказывали: „стрѣляйте въ насъ“), чтобы „претерпѣть до конца“!.. *).

Какъ уже было указано выше, выселеніе уральцевъ въ Туркестанскій край принято было съ двойственной цѣлью: для наказанія и для колонизаціи края. Поэтому переселеніе къ ссыльнымъ ихъ ни въ чемъ неповинныхъ семействъ, необходимое въ цѣляхъ колонизаціи, составило довольно сложную задачу для мѣстной администраціи.

Когда первая партія уральцевъ въ числѣ 145 чел. была поселена на Аму-Дарьѣ и главный начальникъ военно-народнаго управленія, озабоченный ихъ устройствомъ, ходатайствовалъ о присылкѣ къ нимъ ихъ семействъ, ген.-лейт. Веревкинъ (3 января 1876 г.) доносилъ, что онъ не находитъ возможнымъ и удобнымъ пересылать ихъ туда противъ желанья мужей и отцовъ, хотя бы жены и заявили согласіе быть отправленными къ мужьямъ. Между тѣмъ, никто изъ сосланныхъ уральцевъ не выразилъ желанія вызвать къ себѣ свою семью, напротивъ, всѣ они отказались отъ этого наотрѣзъ. Семейства сосланныхъ никакого участія въ беспорядкахъ въ 1875 г. не принимали и съ уходомъ въ Туркестанъ изъ главъ устроились и обжились по новому, безропотно примирившись со свершившимся фактомъ; мало того, младшіе члены этихъ семействъ—сыновья сосланныхъ, вступили уже въ права хозяевъ, пристроивъ у себя матерей, сестеръ и прочихъ членовъ отцовской семьи. Если при такихъ условіяхъ начать приводить въ исполненіе требованіе закона объ обязательномъ слѣдованіи за ссыльными ихъ семействъ и, не смотря ни на что, отправить ихъ на мѣсто ссылки уральцевъ, то положеніе получилось бы безвыходное, а именно: при согласіи на то семействъ ссыльныхъ, за матерями послѣдовали бы къ отцамъ и дѣти старшаго возраста, т. е. служилые казаки, подчинившіеся уже новому порядку отбыванія воинской повинности, такъ какъ иначе имъ угрожаетъ полное экономическое разстройство; въ случаѣ же, семейства ссыльныхъ слѣдовать въ Туркестанскій край не пожелали бы—ихъ пришлось бы переселять силою, пришлось бы сломить ихъ сопротивленіе, а, слѣдовательно, вновь возбудить на Уралѣ волненіе, которое едва лишь утихло. Дѣйствительно, дилемма представлялась съ трудомъ разрѣшимой. Оставался одинъ лишь исходъ: допустить теперь же добровольное переселеніе изъявившихъ на то желаніе, а затѣмъ выждать, пока не уляжется совершенно броженіе умовъ на Уралѣ и пока окончательно не

* „Степное гнѣздо“,—, Спб. Вѣд. 1884 г. №№ 62, 66, 72 и „Полн. собр. соч.“, т. VII, стр. 526.

введено будетъ въ полной мѣрѣ въ дѣйствіе новое положеніе о военной службѣ и общественномъ устройствѣ казаковъ. Такимъ образомъ, обязательная высылка семействъ сосланныхъ отложена была до весны 1877 года.

Тѣмъ временемъ предложенъ былъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы сосланные казаки сами пожелали бы вызвать къ себѣ свои семейства, а именно проектировано было: 1) освободить отъ обязательныхъ работъ сосланныхъ казаковъ, пожелавшихъ вызвать къ себѣ свои семейства, и предоставить имъ право свободнаго занятія промыслами и торговлею на мѣстахъ новаго поселенія, и 2) ограничить бездѣтныхъ женъ сосланныхъ казаковъ въ правахъ пользованія войсковыми угодьями, распространивъ ту же мѣру и на женъ сосланныхъ казаковъ, имѣющихъ дѣтей моложе 14-лѣтняго возраста. Эти проекты, какъ несогласные съ закономъ, не были осуществлены, но тѣмъ не менѣе появленіе ихъ само по себѣ чрезвычайно характерно, такъ какъ указываетъ, что даже высшая администрація колебалась, не установивъ точнаго взгляда на юридическое положеніе сосланныхъ казаковъ и разматривало ихъ, смотря по надобности, то какъ колонистовъ-переселенцевъ, то какъ ссыльныхъ преступниковъ. Двойственность цѣли, которую хотѣли достигнуть ссылкой уральцевъ на Аму-Дарью, неизбежно внесла шаткость и во всѣ дальнѣйшія распоряженія властей, порождая рядъ недоразумѣній, какъ среди караемыхъ, такъ и среди карающихъ. Дѣло, какъ видно изъ изложеннаго выше, дошло даже до правоограниченія лицъ ни въ чемъ неповинныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, со стороны женъ ссыльныхъ уральцевъ послѣдовалъ отказъ добровольно слѣдовать за мужьями къ мѣсту ссылки, такъ какъ иначе согласіе ихъ было бы истолковано въ неблагопріятномъ для ихъ мужей смыслѣ, какъ признаніе факта выселенія. Начались опять аресты, начались воздѣйствія въ имущественной сферѣ съ цѣлью побудить семейства сосланныхъ къ выселенію, началось, наконецъ, насильственное выселеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ посыпались и жалобы бабъ на причиняемыя имъ насилія, на истязанія ихъ самихъ и ихъ дѣтей. Исправляющій должность генераль-губернатора вынужденъ былъ телеграммою приостановить на нѣкоторое время такое выселеніе, вопреки отданнымъ передъ тѣмъ распоряженіямъ окончить выселеніе къ 15 августа 1877 г. Но приостановить начатое представлялось уже невозможнымъ, не породивъ такой нерѣшительностью еще большихъ затрудненій, и генераль-лейтенантъ Вережкинъ категорически отвѣтилъ, что временною высылкой нельзя. Распоряженіе отсрочить высылку отчасти вызывалось поступившими въ комиссію по выселенію семействъ сосланныхъ казаковъ прошеніями о томъ нѣкоторыхъ матерей, которыя мотивировали свои просьбы необхо-

дностью остаться впредь до устройства женитьбою или выдачею въ замужество своихъ дѣтей.

Наказной атаманъ князь Голицынъ высказался въ томъ смыслѣ, что, въ виду предполагаемой высылки семействъ сосланныхъ не одновременно, а постепенно, въ теченіе 2—3 лѣтъ, подобныя просьбы могутъ быть удовлетворяемы, если выборъ семей, подлежащихъ переселенію, будетъ предоставленъ мѣстному уральскому начальству. При этомъ послѣднемъ условіи мѣстная власть могла бы установить извѣстную очередь переселенія семействъ сосланныхъ уральцевъ, имѣя въ виду какъ интересы самихъ высылаемыхъ, такъ и сохраненіе спокойствія въ войскѣ, высылая въ первыя очереди болѣе опасныя и безпокойныя элементы казачьяго населенія. Безъ сомнѣнія, операція высылки казачьихъ семействъ должна была тяжело отразиться на переселяемыхъ въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, такъ какъ неизбежное полное разстройство семьи и хозяйства само по себѣ представлялось чувствительнымъ и ничѣмъ незаслуженнымъ наказаніемъ. Но предоставленіемъ мѣстному начальству столь широкихъ полномочій, открывался полный просторъ для произвола. Съ другой стороны, массовая ссылка съ Урала трехъ тысячъ семействъ, конечно, должна была тягостно отразиться на экономической жизни всего уральскаго войска. Отнесеніе на войсковой капиталъ всѣхъ пособій, выдаваемыхъ при переселеніи неимущихъ семействъ сосланныхъ казаковъ, не могло не обременить войска, такъ какъ общая сумма такихъ пособій по приблизительному даже подсчету должна была достигнуть 100,000 рублей, не говоря уже о томъ, что выселеніе такого огромнаго количества работоспособнаго населенія должно было чувствительно ослабить общую производительность населенія, понизить его экономическое благосостояніе и совершенно убить многія частныя хозяйства. Самая военная способность войска также неизбежно должна была пострадать отъ этого выселенія, такъ какъ значительно уменьшалась численность обязанныхъ службою казаковъ.

Первоначально предположено было ходатайствовать о принятіи всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ съ выселеніемъ, на счетъ казны, но отъ этой мысли пришлось отказаться изъ опасенія замедлить неизбежными въ такомъ случаѣ проволочками самое дѣло переселенія казачьихъ семействъ. Къ тому же, по мнѣнію генераль-адъютанта Крыжановскаго, можно было, игнорируя экономическіе интересы уральскаго казачества, поддержать его служебноспособность, пополнивъ убыль служилого комплекта казаковъ усиленнымъ зачисленіемъ въ казачье сословіе постороннихъ лицъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, семейства сосланныхъ уральцевъ были переселены вслѣдъ за ними въ Туркестанскій край. Съ официальной стороны операція переселенія, какъ видно изъ сношеній наказнаго атамана съ исправляющимъ должность

начальника аму-дарьинскаго отдѣла, произошла безъ особенныхъ инцидентовъ, хотя переселенцами, разумѣется, и были заявляемы жалобы и претензіи. Организованъ былъ для выселенія особый казенный обозъ, организовано было и продовольствіе переселенцевъ въ пути, а на мѣстѣ ихъ водворенія заготовлены были жилища и все необходимое на первое время.

III.

Сосредоточенъ расселенія уральцевъ въ Туркестанскомъ краѣ являлся небольшой поселокъ въ 19-ти верстахъ отъ Петро-Александровска, официально названный *Первоначальнымъ* *), но болѣе извѣстный впоследствии подъ названіемъ „Уральскаго поселка“. Завѣдывающимъ переселенцами назначенъ былъ есаул Стариковъ, человекъ суровый и рѣшительный. При своемъ возникновеніи, Уральскій поселокъ состоялъ изъ небольшого числа (сорока четырехъ) глинобитныхъ, однообразныхъ домиковъ, казенной постройки, въ которыхъ и должны были расселиться уральцы. Но съ 3 по 13 ноября 1877 года, по свидѣтельству есаула Старикова, въ нихъ удалось размѣстить лишь нѣсколько семействъ, остальные же, хотя и были при содѣйствіи войскъ размѣщены такъ же, но сейчасъ же все разбѣжались, не желая идти въ дома и даже сказывать своихъ фамилій. Это обстоятельство лишило есаула Старикова возможности не только провѣрить поселенцевъ по спискамъ, но даже сдѣлать имъ приблизительный подсчетъ. Все прибывшія на мѣсто ссылки переселенки настоятельно просили прислать имъ мужей, а дѣтямъ отцовъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ казаковъ стали, затѣмъ, приходить къ своимъ семействамъ, но только по ночамъ; съ наступленіемъ же разсвѣта опять уходили и вмѣстѣ съ другими ссыльными казаками, вовсе не пожелавшими видѣть свои семейства, скрывались на островахъ Аму-Дарьи и въ другихъ мѣстахъ. Отъ привезеннаго имущества переселенки отказывались и оно было оставлено на улицахъ подъ охраною конвоя. Это упорство объяснялось есауломъ Стариковымъ стремленіемъ переселенцевъ затруднить и даже сдѣлать невозможнымъ ихъ заселеніе на новыхъ мѣстахъ. По мнѣнію этого чрезвычайно рѣшительнаго дѣятеля — самымъ дѣйствительнымъ средствомъ побороть упорство переселенцевъ было бы предоставленіе имъ оставаться подъ открытымъ небомъ, такъ какъ время и морозъ заставили бы ихъ, въ концѣ концовъ, войти въ

*) Такъ онъ былъ названъ по приказанію ген.-адъют. фонъ-Кауфмана I; названіе это, однако, утратилось и даже на картахъ, изданныхъ туркестанскимъ окружнымъ штабомъ, онъ именуется Уральскимъ поселкомъ; въ 1897 г. опять послѣдовало распоряженіе именовать его „Первоначальнымъ“

жизнища, тѣмъ болѣе, что имъ уже было объявлено о томъ, что ни муки, ни дровъ имъ не дадутъ.

Съ собою переселенцы, кромѣ необходимой домашней утвари и подстилочныхъ вещей, ничего не взяли; про хозяйственные орудія и говорить нечего; партіи, присланныя впослѣдствіи, оказались, впрочемъ, болѣе запасливыми. Собранные съ трудомъ къ переселенкамъ, мужчины рѣшительно объявили есаулу Старикову, что они семействъ своихъ не вызывали, а потому жить съ ними не желаютъ и въ поселкѣ не останутся. Дѣйствительно, не смотря на всѣ принятые мѣры, они разбрелись и только иногда по ночамъ, скрытно отъ наблюдательнаго поста, навѣщали свои семейства. Вс. Крестовскій въ своихъ корреспонденціяхъ указываетъ, со словъ мѣстной администраціи, на подобное же поведеніе уральцевъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ расселенія. На всѣ увѣщанія заняться чѣмъ-нибудь, высланцы отвѣчали:

— Какимъ же намъ тутъ дѣломъ заниматься? Никакихъ такъ занятіевъ тутъ вѣтъ.

— Какъ не быть дѣлу! Да вотъ хотя бы это: всѣ вы уральцы—прирожденные рыбаки. Это дѣло вамъ еще сызмалу знакомо. Вотъ и рыбачили бы себѣ на Сырѣ, или охотились бы, что ли, на фазановъ да на тигровъ, все же зарабатывали бы себѣ тѣмъ деньги кое какія... Но что, бывало, имъ ни предложить, на все одинъ отвѣтъ: „по доброй волѣ не можемъ, потому не своею охотою сюда мы попали“. И, исходя изъ такого принципа, всѣ они поголовно бездѣльничали въ первые годы своей ссылки—заключаетъ Вс. Крестовскій.

Съ теченіемъ времени, однако, уральцы поневолѣ стали приспособляться къ своему новому положенію въ мѣстѣ изгнанія, въ совершенно чужомъ имъ краю! Въ Уральскомъ поселкѣ, въ которомъ первоначально въ 1877 г. числилось всего 396 чел. населенія, исключительно мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 70 лѣтъ, къ 1879 году уже насчитывалось (официально), кромѣ мужского населенія, 287 женщинъ и 615 дѣтей обоого пола. Въ скоромъ времени изъ Уральскаго поселка была выдѣлена небольшая колонія въ Нукусъ, куда было первоначально выселено 18 семействъ, и эта колонія также постепенно обстроилась и разрослась. Одновременно, какъ уже было сказано, небольшими группами расселены были уральцы и по другимъ фортамъ и городамъ Туркестанскаго края, но тамъ они терялись въ общей массѣ прочаго населенія. Всѣ эти „уральцы“ или „уходцы“, какъ ихъ называютъ на Уралѣ,—старообрядцы, большею частью не пріемлющіе священства.

„Все это народъ очень способный, смышленный — говорить про уходцевъ Вс. Крестовскій *),—да и по наружности всѣ они,

*) „Степное гнѣздо“—В. Крестовскаго, стр. 528.

какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Что ни уралецъ, то крѣпкій, рослый, здоровый и красивый дѣтина! И затѣмъ, надо еще прибавить, что это люди безусловно честные, въ дѣлахъ вѣрные своему слову, почти поголовно трезвые, и, наконецъ, крѣпко держатся правилъ своего „древняго благочестія“. Они строго соблюдаютъ посты, чтутъ праздники, не курятъ табаку, не ѣдятъ говядины, если скотина не рѣзана ими самими, не пьютъ изъ одной посуды съ посторонними и ведутъ жизнь самую умѣренную, простую и трезвую. Словомъ, „уходцы“ перенесли сюда съ Урала и всѣ свои обычаи, весь жизненный обиходъ, который и до сихъ поръ, не смотря на крайне неблагоприятныя условія разселенія среди мѣстнаго инородческаго населенія, они сохраняютъ въ полной чистотѣ, начиная съ мелочей одежды и кончая религиозными обрядами. Отчасти это можно объяснить и тѣмъ, что уходцы не совсѣмъ еще порвали связи съ далекимъ роднымъ Ураломъ, и поддерживаютъ еще путемъ переписки съ родными и одностанниками, а также и личными наѣздами на Уралъ, главнымъ образомъ для женитьбы. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ дѣвицъ въ мѣстахъ разселенія уходцевъ. Хотя всѣ здѣшнія уралки, какъ замужнія, такъ и дѣвушки, отличаются безупречною нравственностью, но въ послѣднее время между ними сильно распространяется истерія, въ формѣ кликушества, что также способствуетъ укорененію обычая брать невѣсты съ Урала, не смотря даже на то, что подобная женитьба обходится сравнительно дорого *). Семейный строй жизни уходцевъ сохраняетъ типичныя черты уральской семьи и что особенно бросается въ глаза — это забота о грамотности: всѣ дѣти, достигая десяти — двѣнадцатилѣтняго возраста поголовно грамотны **), и въ каждомъ форту, гдѣ лишь поселена кучка уральцевъ, у нихъ непремѣнно есть своя общественная школа. Особенно-же содѣйствуетъ сохраненію среди уходцевъ въ полной чистотѣ ихъ стариннаго склада жизни присутіемъ вообще уральцамъ консерватизмъ, боязнь всякаго новшества, а также чувство взаимности и товарищества, которое необыкновенно развито между уральскими уходцами. „Выселенцы — говоритъ Вс. Крестовскій — имѣютъ какими-то своими собственными путями постоянныя сношенія между собою, какія бы разстоянія ни отдѣляли ихъ другъ отъ друга, и все, что дѣлается въ какомъ-нибудь Пянджикентѣ или Нукусѣ, очень хорошо извѣстно товарищамъ по несчастью (изгнанію) въ Казалинскѣ и Перовскѣ и обратно. Словомъ сказать, нравственная связь и общая

*) На Уралѣ „кладка“ (денежный взносъ на сборы невѣсты) колеблется около 30 руб., а съ поѣздкой на Уралъ уходцу женитьба обходится иногда до 400 руб.

***) Дѣломъ обученія, исключительно по „старымъ книгамъ“, занимаются у нихъ начетчицы-казачки, старицы, почитающія такое занятіе богоугоднымъ подвигомъ.

солидарность развиты между ними весьма сильно, и пока старики не „поводятъ“ всѣмъ кругомъ возвратиться на Яикъ на тѣхъ основаніяхъ, что предлагаются имъ правительствомъ, до тѣхъ поръ всѣ льготы, какія имъ не дѣлай, останутся мертвою буквою“...

Трудно было уходцамъ-уральцамъ приспособляться къ чуждымъ имъ условіямъ жизни, непривычному климату и въ то же время искать себѣ пропитанія трудомъ и потомъ. Тяжело было первоначально ихъ экономическое положеніе. Въ поискахъ за пропитаніемъ и заработкомъ потянулись они, сперва кто побѣднѣе и посемейнѣе, а за ними и другіе, по Аму-Дарьѣ и, облюбовавъ родной имъ рыбный промыселъ, вскорѣ разселились по всей рѣкѣ. Конкурентовъ у нихъ не было; они первые создали на Дарьѣ рыбный промыселъ и съ тѣхъ поръ постепенно завоевали рыбные рынки въ Оренбургѣ, Самаркандѣ, Чарджуѣ, Карки, Асхабадѣ, Мервѣ и Маргеланѣ.

Рыболовъ-поселенецъ отдается своему занятію съ тою увлѣденностью отъ дѣдовъ любовью, даже страстью, которая составляетъ типичнѣйшую особенность казака-уральца. На своей легкой лодкѣ, съ сѣтью въ рукахъ, онъ и на Дарьѣ чувствуетъ себя, какъ на родинѣ, забывая всѣ печали и огорченія тяжелой жизни изгнанника. Въ то же время эти казаки-рыболовы быстро разработали до тонкости всю технику любимого промысла, устанавливая приемы и способы ловли рыбы, ея храненія и раздѣлки, добыванія и выдѣлки икры и прочихъ продуктовъ. Рыболову туземцу остается только трудъ подручнаго, и понемногу, приспособляясь, этотъ туземецъ невольно попадаетъ въ полную зависимость отъ казаковъ.

Но и казаки-рыболовы не сами извлекаютъ главную пользу отъ разрабатываемаго ими промысла. За ними стоятъ казаки-рыбопромышленники, организующіе въ широкихъ размѣрахъ этотъ промыселъ. Они собираютъ огромное количество лодокъ, не жалѣя средствъ, выписываютъ изъ Россіи пряжу, корье, веревки и другіе необходимые въ рыбномъ промыслѣ предметы; снабжаютъ снастями какъ бѣднѣйшихъ рыболовъ-казаконъ, такъ и туземцевъ и скупаютъ у нихъ впередъ весь ихъ уловъ. Для храненія запасовъ рыбы у нихъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи уже заготовлены ледники. Дѣло организовано настолько прочно, что развѣ только въ Чарджуѣ, гдѣ, впрочемъ, рыболовство не достигаетъ крупныхъ размѣровъ, съ ними еще рѣшаются конкурировать татары, да и тѣ перекупаютъ рыбу у нихъ же изъ вторыхъ, такъ сказать, рукъ, и уже затѣмъ устанавливаютъ свою цѣну.

Мало по малу, такимъ образомъ, выработался типъ казака-коммерсанта; съ праваго берега Дарьи перекинулъ онъ свои торговые обороты и на ту сторону рѣки въ Хивинское ханство. Ком-

мерческие обороты торговцев-поселенцевъ быстро растутъ, и они уже по праву могутъ называться первымъ русскимъ купечествомъ въ этой азиатской окраинѣ; торгуютъ они всѣмъ, чѣмъ хотите; начиная съ довольно крупныхъ операцій съ хлопкомъ, они захватили въ свои руки и торговлю чаемъ, сахаромъ, керосиномъ, сырьемъ и мануфактурой. Эти торговцы несомнѣнно оказываютъ замѣтное вліяніе на экономическую жизнь всего края, оживляя торговлю не только въ смыслѣ товарообмѣна, но и содѣйствуя широкому кредиту, въ которомъ особенно нуждается мѣстная промышленность.

Ни земледѣліе, ни скотоводство, ни занятія ремеслами не нашли себѣ распространенія среди поселенцевъ, за небольшимъ развѣ исключеніемъ лицъ, отбившихся отъ Дарьи и примкнувшихъ болѣе къ городской жизни. Условія поселенія уральцевъ по Дарьѣ сами по себѣ не способствовали развитію среди нихъ земледѣлія, скотоводства, огородничества и садоводства: земли у нихъ не было и нѣтъ; не было у поселенцевъ и лошадей, коровъ, даже мелкой живности. Кое-кто только завелъ себѣ верблюдовъ; овцеводствомъ занимаются лишь отдѣльныя личности, да и тѣ только лѣтомъ пасутъ своихъ овецъ по островамъ Дарьи, а зимой угоняютъ ихъ въ предѣлы Хивы, гдѣ и кочуютъ со стадами вмѣстѣ съ туркменами. Садовъ поселенцы не имѣютъ, но нѣсколько человекъ арендуютъ частныя и казенныя сады въ цѣляхъ торговли фруктами.

Однако, было бы крупной ошибкой предположить, что поселенные здѣсь уральцы находятся въ цвѣтущемъ матеріальномъ положеніи. Напротивъ того, судя по имѣющимся, къ сожалѣнію, слишкомъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, они до сихъ поръ въ большей своей массѣ переживаютъ еще черные дни, терпя зачастую нужду даже въ самомъ необходимомъ. Трудно узнать дѣйствительное экономическое положеніе уходцевъ на Дарьѣ, какъ вслѣдствіе отсутствія о томъ официальныхъ свѣдѣній, такъ и вслѣдствіе крайней недовѣрчивости уходцевъ, скрывающихъ отъ всякаго чужого имъ человека истинное свое положеніе, изъ боязни регистраціи и административнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь. Эта недовѣрчивость доходитъ до того, что даже зажиточные уральцы ведутъ наружно болѣе чѣмъ скромную жизнь. Отсутствие же въ поселкѣ правильной административной организаціи не позволяетъ даже приблизительно опредѣлить размѣры главнѣйшаго—рыбнаго промысла уходцевъ, и до сихъ поръ не имѣется болѣе или менѣе положительныхъ свѣдѣній о томъ, сколько ловится въ Дарьѣ рыбы, сколько ея продается на мѣстѣ и экспортируется на иногородные рынки.

Однако, по нѣкоторымъ фактамъ можно судить о дѣйствительномъ экономическомъ положеніи большинства „уходцевъ“. Начиная съ 1879 г., постоянно возбуждались мѣстнымъ начальствомъ

ходатайства о выдачѣ ухощамъ отъ казны провіанта, при чемъ ходатайства эти мотивировались угрожающимъ населенію поселка голоднымъ тифомъ. Въ 1882 г. въ ходатайствѣ объ отпускѣ казеннаго довольствія указывалось, что за весьма небольшими исключениями плохія обстоятельства семействъ уральскихъ поселенцевъ ставятъ въ необходимость отпускать провіантъ всему безусловно женскому населенію и дѣтямъ моложе 12-тилѣтняго возраста. Довольствіе отъ казны выдавалось до 1893 г. включительно, пока не были объявлены и не состоялись торги на поставку провіанта поселеннымъ уральцамъ, какъ мѣщанамъ г. Петро-Александровска. Надо замѣтить, что выселенные сюда уральцы были обязаны приписаться къ мѣщанскому обществу. Но страшась записью въ мѣщане покончить навсегда счеты съ казачествомъ, съ тѣмъ своимъ прошлымъ, которымъ они столь дорожатъ до сихъ поръ, боясь этой записью въ мѣщане развить окончательно свою обособленную нынѣ, и вслѣдствіе того тѣсно сплоченную, общину,—они упорно отказываются отъ такой приписки къ мѣщанскому обществу, скрываютъ свои имена и отказываются даже отъ помощи и денегъ, если таковыя сопряжены съ регистраціей ихъ въ качествѣ мѣщанъ. Не слѣдуетъ еще упускать изъ виду, что то же самое начальство, которое свидѣтельствовало о существованіи между поселенцами нищихъ, могущихъ погибнуть отъ голода и грозящихъ развить голодный тифъ по окрестности, принимало мѣры къ тому, чтобы сократить количество выдаваемого казеннаго провіанта, исходя изъ соображеній не столько экономическихъ, сколько нравственныхъ (дабы не породить праздность) и карательныхъ (противъ упорныхъ). Не надо забывать и того, что при свойственной поселенцамъ недовѣрчивости далеко не всѣ голодающіе обращались за казеннымъ довольствіемъ, избѣгая регистраціи. Лицамъ, наблюдавшимъ на мѣстѣ жизнь поселенцевъ, приходилось неоднократно видѣть, какъ они для пропитанія собираютъ по тугаямъ мелкіе плоды маслины *), уподобляясь бѣднѣйшимъ жителямъ Дарваза и другихъ горныхъ бекствъ восточной Бухары, питающимся тутомъ.

Для того, чтобы объяснить себѣ тяжелое экономическое положеніе ссыльныхъ уральцевъ, слѣдуетъ припомнить этнографическія и, такъ сказать, топографическія условія края, въ которомъ они поселены.

Устье Аму-Дарьи и пустынные мертвые берега Аральскаго моря съ одной стороны, а далѣе дикіе тугаи Аму-Дарьинскаго отдѣла и Хивинскаго ханства представляютъ безотрадную кар-

*) Намъ приходилось слышать, что нѣкоторые изъ поселенцевъ вынуждены бываютъ даже пользоваться всякаго рода отбросами и тряпьемъ, остающимся въ лагерныхъ баракахъ нижн. чиновъ Петро-Александровскаго гарнизона послѣ его ухода на зимнюю стоянку.

тину, забытаго природой и культурой, захолустья. Въ районѣ Аму-Дарьинскаго отдѣла, между Кунградомъ и Нукусомъ, тянутся на сотню верстъ сплошныя камышевыя заросли, дающія пріютъ и дикому звѣрю и полудикому человѣку. Ежегодно къ осени съ давнихъ поръ перекочевываютъ сюда, убѣгая отъ зимней стужи, различныя племена, населяющія ближайшія и болѣе отдаленныя мѣстности. Много перекочевываетъ сюда, въ затишье этихъ камышей, киргизъ адаевцевъ и табынцевъ, снимающихся съ лѣтнихъ кочевокъ изъ подъ Оренбурга и Эмбы. Не мало встрѣчается здѣсь хивинцевъ, туркменъ, подданныхъ хивинскаго хана; навъзжаютъ сюда уральскіе и оренбургскіе киргизы, кара-колпаки, а также киргизы и узбеки Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Изъ этого краткаго очерка уже видно какую пеструю въ этнографическомъ отношеніи картину представляетъ край, въ который были принудительно поселены семейства ссыльныхъ уральцевъ, гдѣ они были оставлены совершенно безпомощными, не только неподготовленные къ мѣстнымъ условіямъ жизни, но даже не знавшіе какъ и не имѣвшіе чѣмъ бороться за свое существованіе. Удаляться отъ поселка въ поискахъ за заработкомъ было опасно. Дороги здѣсь глухія, того и гляди натолкнешься на вооруженныхъ, съ виду мирныхъ купцовъ, но въ дѣйствительности разбойниковъ-туркменъ. И вотъ начинается постепенное вытѣсненіе уральцами этого племеннаго конгломерата, объединеннаго исламомъ, и на водѣ, на быстрыхъ лодкахъ, и въ камышахъ и тугаяхъ, на охотѣ за дикимъ звѣремъ. Стойко, рука объ руку, вполне солидарно, но упорно и властно захватываютъ уральцы, сознающіе, что рѣчь идетъ лишь о правѣ сильнаго, что борьба ведется на жизнь и смерть за право существованія, захватываютъ они Дарью, отбирая у туземцевъ пойманную ими рыбу, постепенно захватываютъ они и озера въ предѣлахъ Хивинскаго ханства, на которыхъ начинаютъ рыбачить и, не стѣсняясь присутствіемъ туземцевъ, безстрашно и свободно охотятся по хивинскимъ тугаямъ.

Понемногу уральцы становятся въ край властными господами, и туземцы, чувствуящіе въ нихъ непреклонную силу, сдаютъ и уступаютъ имъ первенство. Но эта упорная борьба, отвлекающая всю энергію и силу уральцевъ, не даетъ имъ возможности обстроиться, обзавестись домашнимъ хозяйствомъ, озаботиться о своемъ матеріальномъ благосостояніи.

Въ 1881 году послѣдовало всемилостивѣйшее прощеніе уральцевъ: имъ разрѣшено было вернуться на родину, но никто изъ уходцевъ не пожелалъ воспользоваться дарованной имъ милостью. Почему?—Вс. Крестовскій даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Въ сущности, большинство высланныхъ уральцевъ вовсе не такъ упорно и фанатично, какъ казалось вначалѣ, и радо-радехонько было бы возвратиться на Лякъ, на тѣхъ льготныхъ условіяхъ, какія еще

недавно были имъ дарованы со стороны правительства. Отъ нихъ не требуютъ больше никакихъ подписокъ на принятіе новаго „положенія“ и выдаютъ еще по пятидесяти рублей въ безвозмездное пособіе на дорогу каждому семейству, изъявляющему желаніе возвратиться на родину, съ тѣмъ, чтобы жить тамъ въ условіяхъ, въ какихъ живетъ нынѣ войско уральское. Большинство, повторяю, и радо бы ухватиться за эту льготу — до того надобно ему въ этомъ бездомномъ изгнаніи; но вся бѣда въ большакахъ: „старьки почтенные“ мѣшаютъ. Очевидно, тутъ вся прелеза въ упорствѣ нѣсколькихъ вожаковъ, безусловно пользующихся громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ на остальныхъ выселенцевъ. И дѣйствительно, это—люди весьма почтенные, большею частью окуренные пороховымъ дымомъ въ неоднократныхъ бояхъ, нерѣдко украшенные георгиевскими крестами, люди строгой нравственности и примѣрнаго благочестія, искусные начетчики и диспутанты. Они-то вотъ и держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ остальныхъ товарищей по изгнанію, и держатъ ничѣмъ инымъ, какъ только силою своего нравственного авторитета“.

Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Въ упорствѣ ли этихъ немногихъ „вожаковъ“ слѣдуетъ искать причину того, что высланцы не воспользовались дарованной имъ въ 1881 году высочайшею милостью? Передъ нами № 206 газеты „Соврем. Извѣстія“ за 1881 годъ съ корреспонденціей изъ Оренбурга слѣдующаго содержанія:

„Его величество государь императоръ изволилъ простить всѣхъ сосланныхъ уральцевъ и отпустить ихъ на родину, если они того пожелаютъ, ни слова ни говоря имъ о принятіи новаго положенія. Въ этой высочайшей волѣ нельзя не замѣтить дальновидности. Если уральцы пожелаютъ возвращенія въ Уральскъ, то принятіе ими новаго положенія разумѣется само собою: нельзя предположить, чтобы кто-нибудь, поступая въ общество, не признавалъ тамошній порядокъ вещей. Въ Уральскомъ войскѣ принято и практикуется новое устройство, новое положеніе, и немислимо, чтобы, желая возвратиться на родину, ссыльные казаки его не признали.

Совсѣмъ не такъ поступили оренбургскія власти. Поселенные въ оренбургскихъ станицахъ, ссыльные уральцы были вызваны съ семействами и имуществомъ въ Оренбургъ. Здѣсь прочитали имъ всемилостивѣйшее прощеніе и дарованіе права возвратиться на родину. Ссыльные упали на колѣни, подняли кверху руки и благодарили Творца за дарованную имъ милость, при этомъ изъ нихъ многіе плакали. Были ли то слезы сознанія несправедливой кары шестилѣтнимъ изгнаніемъ и полнымъ развореніемъ за неумѣніе ихъ офицеровъ ввести новое положеніе, котораго они никогда не отрицали, — не умѣю сказать. Кажется, послѣ

этого слѣдовало бы только пустить уральцевъ во свояси. Но канцелярскія формальности и бюрократическіе приемы въ эту всеобщую радость влили порядочную дозу горечи. По приказанію оренбургскаго генераль-губернатора, генерала Астафьева, уральцамъ поднесли для подписанія прошеніе такого содержанія: „мы просимъ у вашего превосходительства увольненія насъ на родину, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ, и новое положеніе принимаемъ и обязуемся выполнить его“.

Опять старыя погудки на новый ладъ! Скажите, зачѣмъ это прошеніе? Развѣ это не опять *подписка*, изъ-за которой пострадало болѣе трехъ тысячъ семей? Развѣ это не опять вызовъ на упорство, которое будетъ принято за бунтъ? „Подписать это прошеніе уральцы рѣшительно отказались. Теперь 12-й день держатъ ихъ на заднемъ дворѣ оренбургскаго станичнаго правленія, безъ покрывки, подъ открытымъ небомъ, безъ защиты отъ перемѣны погоды, какъ какую-нибудь скотину. Между возвращенными есть нѣсколько восьмидесяти и столѣтнихъ стариковъ, много дѣтей и грудныхъ младенцевъ; всего 40 семей“.

Вотъ, гдѣ надо искать и видѣть корень зла, а не тамъ, гдѣ его усмотрѣлъ Вс. Крестовскій.

Сосланнымъ на Аму-Дарью высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи возвращаться казаками на Уралъ было объявлено въ 1882 г., при чемъ также ставилось условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ письменно заявилъ о своемъ раскаяніи въ совершенномъ проступкѣ, но поселенцы подписки не дали. Въ 1883 г. имъ было объявлено разрѣшеніе возвратиться на Уралъ казаками безъ всякой подписки, но поселенцы отнеслись къ этому съ большимъ недовѣріемъ и продолжали оставаться на мѣстахъ поселенія и вести жизнь, какъ на бивакѣ, не устраниваясь. Наконецъ, имъ обѣщаны были денежныя на переѣздъ пособія отъ казны, но поселенцы и послѣ этого продолжали оставаться на мѣстѣ.

Между тѣмъ, положеніе ихъ въ Туркестанскомъ краѣ, какъ видно изъ предлагаемаго читателямъ очерка, далеко не таково, чтобы они имъ дорожили. Тяжелѣе всего для уральцевъ, поселенныхъ на Дарьѣ — ихъ внутреннее нестроеніе и полная неопредѣленность юридическаго ихъ положенія. Эти два фактора настолько тягостно отражаются на всей жизни уходцевъ, что они только и мечтаютъ, только и добиваются возможности опредѣлить свое назначеніе и сообразно съ тѣмъ свои занятія; они умоляютъ дать имъ опредѣленные гражданскія права и корпоративное устройство. Только при такихъ условіяхъ считаютъ они возможнымъ вполнѣ проявить свои производительныя силы и стать полезными обществу и государству.

Всѣ попытки организаціи внутренняго управленія среди сосланныхъ до сихъ поръ оказывались безуспѣшными. Въ первое время, по водвореніи ихъ въ поселкѣ Уральскомъ, завѣдывать ими

былъ назначенъ одинъ изъ офицеровъ оренбургскаго казачьяго полка, расположеннаго въ Петро-Александровскѣ. Въ 1880 году приказано было передать ихъ въ вѣдѣніе участковыхъ приставовъ: въ Нукусъ—чимбайскаго, въ поселкѣ—шураханскаго. Для непосредственнаго же завѣдыванія ими, въ поселокъ назначался урядникъ, а затѣмъ оренбургскіе казаки, которые и жили въ поселкѣ до 1896 года, когда назначеніе этихъ должностныхъ лицъ было прекращено, въ виду предположенія назначить туда полицейскую стражу, или выборныхъ изъ самихъ уральцевъ старосту и десятскихъ.

Проектъ этотъ, однако, не былъ осуществленъ, и въ поселкѣ по прежнему ближайшимъ административнымъ начальствомъ являлся назначенный для сего оренбургскій казакъ.

На обязанности этихъ должностныхъ лицъ лежало: вести исчисления прибыли и убыли населенія, объявлять распоряженія начальства, вручать повѣстки судебныхъ учреждений и т. п. Въ дѣйствительности даже и эти несложныя функціи не могли ими осуществляться, такъ какъ поселенцы о родившихся и умершихъ урядникамъ не заявляли и не сказывали своихъ именъ и фамилій, вслѣдствіе чего имъ нельзя было даже вручить повѣстку.

Съ 1883 г. всѣ поселенцы, какъ отказавшіеся вернуться казаками на родину, должны были быть приписаны въ мѣщане по мѣстамъ ихъ жительства. Но они ни за что не желаютъ приписываться и даже избѣгаютъ бумагъ, въ которыхъ ихъ именуютъ или только могутъ прописывать мѣщанами: не берутъ билетовъ на право рыбной ловли, не получаютъ денегъ съ почты и проч. Во многихъ случаяхъ они упрощаютъ власти не называть ихъ мѣщанами, а писать „уральцами“ или даже ссыльно-поселенцами.

Такимъ образомъ, они до сихъ поръ фактически не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго положенія и хоть какого-либо внутренняго устройства. Въ продолженіе всей тридцатилѣтней ссылки нравственной для нихъ связью было именно это безправное ихъ положеніе да религіозныя убѣжденія, сплотившія ихъ въ одно цѣлое, крѣпкое своей солидарностью и создавшее, въ лицѣ стариковъ, нравственно-авторитетную организацію и власть. Всѣ тѣ вопросы, которые волновали ихъ въ 1875—76 годахъ, разумѣется, утратили свое значеніе въ настоящее время, и многіе поселенцы откровенно заявляютъ, что имъ рѣшительно все равно, гдѣ бы ихъ окончательно ни поселили и какъ бы ни устроили, лишь бы не нарушали установившейся между ними религіозно-нравственной связи. Лишь бы восстановили ихъ въ правахъ, даровали имъ юридическое положеніе, гражданскія права и корпоративное устройство, соответствующее бытовому складу ихъ жизни и унаслѣдованнымъ традиціямъ.

Сандръ.